

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Ауров О.В., Зорин А.Л

Античность в средние века: литература, власть, право

Москва 2018

Аннотация. Работа посвящена проблеме форм и методов рецепции античного наследия в средневековой Западной и Восточной Европе. В первом случае в качестве объекта исследования выступают средневековые государства Пиренейского полуострова (главным образом, Кастилия и Леон), во втором – Русское государство от эпохи Древней Руси до Московского Царства XVI – XVII веков. Изложение материала организовано по хронологическому и историко-географическому принципу. Четыре раздела работы посвящены роли римского наследия в процессе становления средневековой кастильской историографии в период правления короля Альфонсо X Мудрого (1252 – 1284) (раздел 1), анализу форм интерпретации в отечественной историографии роли античного наследия и его влияния на становление средневековых форм социальной и политической организации на примере научного наследия выдающегося советского медиевиста Александра Рафаиловича Корсунского (1914 – 1980) (раздел 2), проблемам влияния античного наследия на становление средневековой литературы как на латинском Западе (на материале позднеантичной и раннесредневековой испанской агиографии) (раздел 3) и исследованию религиозно-культурной перспективы становления и развития средневековой русской государственности (от Древней Руси до Московского царства) с учетом широкого внешнего историко-культурного и историко-правового контекста (раздел 4).

Ауров О.В. ведущий научный сотрудник лаборатории античной культуры ШАГИ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Зорин А.Л. заведующий лабораторией историко-культурных исследований ШАГИ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 год

СОДЕРЖАНИЕ

1 Римское наследие и становление средневековой кастильской историографии (на примере «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого)	4
2 Исследование античных влияний в средневековой культуре и системе власти (на примере работ А.Р. Корсунского)	11
3 Литературное и правовое наследие Рима и его влияние на становление христианской литературы на примере средневековой испанской агиографии	14
4 Истоки русской государственности в религиозно-культурной перспективе	21
4.1 Римское наследие и эволюция властных структур в западноевропейском средневековье (на примере кастильского феодального права)	21
4.2 Московское княжество и московское царство на перекрестке культур. Рецепция античной и византийской модели	26
4.3 Русское самодержавие как культурная проблема	30
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	34

1 Римское наследие и становление средневековой кастильской историографии (на примере «Истории Испании» Альфонсо X Мудрого)

Альфонсо X Мудрый (1252 – 1284) – выдающийся политический и культурный деятель, законодатель, историк и писатель, роль которого в истории средневековой Испании была признана уже младшими современниками [1]. С его именем связана одна из наиболее блестящих эпох в истории средневекового Королевства Кастилия и Леон, которое он унаследовал от своего отца, Фернандо III Святого (1217 – 1230). Продолжатель дела «Великой Реконкисты» второй трети XIII в., король-крестоносец, он не только укрепил влияние своего государства на Пиренейском полуострове, но и строил планы экспансии в Марокко (т.н. *fecho de allende*), которым, правда, не суждено было осуществиться. За пределами Испании главным делом Альфонсо X стала борьба за престол Священной Римской Империи (1256 – 1275) (т.н. *fecho del imperio*). Она не увенчалась успехом, но сыграла огромную роль для будущего Кастилии, предопределив то место в Европе, которое Испания заняла в эпоху Раннего Нового Времени. Наконец, как деятель культуры он давно и по достоинству оценен не только в испанской, но и в мировой историографии [2-32].

Особое место в его наследии занимали историографические проекты, которым он посвятил значительную часть своего времени и сил. В первую очередь, речь идет о написанных на кастильском языке

Замысел и создание историографических трудов «мудрого короля», вышедших из скриптория Альфонсо X – «Всеобщую историю» и «Историю Испании» – и сохранившихся в роскошных прижизненных рукописях, следует, разумеется, так же связать со сферой формирования позитивного образа короля-интеллектуала и его использования в пропагандистских целях

На значимость этого замечания в контексте проблемы трансляции сословных идеалов и ценностей кастильского рыцарства я специально указывал в одной из своих давних работ. Представляется, однако, что в контексте политической пропаганды речь идет о еще более значимом явлении, а именно – о внедрении в сознание представителей господствующего феодального класса образа принципиально нового – общеиспанского! – государства и его власти, единой для всего полуострова.

Если это действительно так, то в рамках грандиозного замысла мудрого короля каждое из сочинений обретало свое особое место. Сначала король приступил к созданию «Истории Испании» (1270 – 1274 гг.), занимавшей главное место в его замысле. Затем параллельно началось создание «Всеобщей истории» (полное название – «Великой и всеобщей истории» (“Grande e General Estoria”)) – изложение истории всего человечества от сотворения мира,

грандиозного «внешнего контура», призванного подчеркнуть место Испании и испанской государственности во всемирно-исторической перспективе, необъятной как хронологически (от сотворения мира до времени создания памятника), так и географически, поскольку сценой действия стали не только латинский Запад, но и все пространство библейской и всемирной (в тогдашнем понимании) истории [33-35]. Правда, как и «История Испании», «Всеобщая история так и не получила завершения и прервалась на рассказе о семье Иоанна Крестителя.

* * *

Не была завершена и «История Испании» [33, 35]. Тем не менее, новаторский характер памятника не вызывает сомнения. Прежде всего, она на новом качественном уровне продолжила традицию больших кастильских латинских хроник, составленных в первой половине – середине XIII в. Наиболее значимыми среди них являются:

- «Латинская хроника королей Кастилии» (написана ок. 1237 г.), вероятно созданная Хуаном из Соррии, епископом г. Осма и канцлером короля Фернандо III (1217 – 1239) [38];
- Т.н. «Всемирная хроника» (на самом деле, ее содержание практически не касается событий, происходивших за пределами Пиренейского полуострова) (ок. 1238 г.), составленная Лукой Туйским (ум. в 1249 г.), каноником канониката св. Исидора (Леон), позднее – епископом г. Туй (Галисия) [39];
- «Готская история» (или «Об испанских событиях»: “De rebus Hispaniae”) (ок. 1247 г.), созданная великим политическим и церковным деятелем своего времени Родриго Хименесом де Рада (ок. 1170-1247), который описал испанскую историю от времен мифического Геркулеса до событий 1243 г. включительно [34, 40].

Estoria de Espanna отличается от этих компиляций (использованных в качестве ее источников, наряду с многими другими текстами разных жанров) не только языком повествования, но масштабом изложения. Уровень филологической и лингвистической сложности текста, составленного по приказанию и под непосредственным руководством Мудрого короля, был также несопоставим и с аналогичными показателями более ранних кастильских хроник: он включил длинный ряд тщательно описанных образов и персонажей, сложную цепь хорошо убедительных по внутренней организации рассказов и многочисленные блестящие риторические фигуры и метафоры.

Хотя кастильский язык (or *romance*) времен Альфонсо X и был связан с устной «народной» лингвистической традицией, но главным образом он являлся дальнейшим развитием т.н. «придворного разговорного языка» (*román paladino*) времен Фернандо III. Он сформировал новую культуру восприятия литературных произведений, доступную для

неграмотных, каковые в тот период составляли подавляющее большинство мирян [33-35].

Другой важной новацией, также частично объясняющей роль лингвистического фактора, было расширение круга источников альфонсовых хроник. Полный, окончательный и признанный научным сообществом абсолютно корректным в содержательном и структурном отношении перечень источников, использовавшихся хронистами скриптория Альфонсо X, к настоящему времени еще не выработан. Но большая часть этих источников известна:

- (1) Пространные латинские хроники (см. выше);
- (2) Библейские тексты: четыре Евангелия, Книга Даниила;
- (3) Древние (античные) латинские тексты;
- (4) Позднеантичные христианские сочинения (латинская патристика);
- (5) Латинские памятники историописания, созданные за пределами Испании в эпоху Раннего и Высокого Средневековья;
- (6) Испанские и португальские средневековые латинские хроники;
- (7) Некоторые арабские историографические памятники;
- (8) Краткие ученые тексты, написанные Родриго Хименесом де Рада (возможно, в качестве подготовительных материалов для создания его главного историографического труда);
- (9) Другие прозаические тексты (в частности, «Этимологии» Исидора Севильского);
- (10) Эпические поэтические тексты (=chansons des gestes) [33-35].

Влияние этих источников на язык, стиль изложения и содержание *Estoria de Espanna* очевидно и весьма ощутимо. В то же время, факт этого влияния сближает хроники с «литературными произведениями» в узком смысле этого понятия. Хроника превращалась в разновидность книги для чтения, своеобразную хрестоматию, что прямо подтверждается одним из положений «Семи Партид», одной из правовых компиляций, осуществленных юристами Мудрого короля (Las Siete Partidas, II, 21, 20). Видно, что использование содержания этой хроники-«хрестоматии» носило конкретный прагматический характер в качестве важного средства пропаганды, включая пропаганду нового аристократического рыцарского образа жизни и связанных с ним ценностей [15].

* * *

Текстологическая традиция хроники включает две основные версии, созданные в скриптории Альфонсо X и, в большинстве случаев, сохранившиеся в виде фрагментов в рукописях более позднего времени [34, 35, 37, 41]. Первая и наиболее ранняя из них была создана ок. 1270 – 1274 гг. и включила рассказы о(б):

- Истории первых завоевателей Испании (мифических альмуисах, финикийцах,

римлянах, варварах и готах (выделяемых отдельно)) до конца правления вестготского короля Эвриха (гл. 1 – 429¹);

- Истории королей вестготов от Алариха II до третьего года царствования астурийского короля Пелайо (гл. 430 – 563);
- Событиях от четвертого года правления Пелайо до 18 года правления астурийского короля Альфонсо II (гл. 564 – 616);
- Истории астурийских королей от 18 года правления короля Альфонсо II до его смерти (гл. 616 – 627);
- Истории королей Астурии и Леона от Рамиро I до Бермудо III (гл. 628 – 801);
- Истории королей Кастилии и Леона, вплоть до взятия Кордовы Фернандо III (гл. 802 – 1049) [42, 43].

Вторая версия – т.н. «Критическая версия» – была создана между 1282 и 1284 гг. Она включает рассказ о следующих событиях:

- От истории правления варварских народов до конца истории королей готов (остготов и вестготов) (chap. 365 – 565);
- История королей Астурии и Леона (гл. 566 – 677);
- История королей Леона от Фруэлы II до Бермудо III (гл. 678 – 801);
- История королей Кастилии и Леона от Фернандо I до конца правления Фернандо II (гл. 802 – 996) [35].

Инес Фернандес-Ордоньес, являющаяся ныне наиболее видным специалистом по рукописной традиции историографических произведений эпохи Альфонсо X [35], составила список из 39 позиций, представляющий «прямых рукописных свидетелей» двух основных версий текста. К этому числу необходимо добавить также «косвенных свидетелей», т.е. хроники, написанные в более поздний период, при создании которых в качестве основных или весьма важных источников были (полностью или частично) использованы две версии времен Альфонсо X, и которые (поздние хроники – *О.А.*) сохранили более или менее значительные фрагменты своих протографов. В целом, эта традиция включает не менее 43 рукописей², датированных периодом XIII – XIX вв., но главным образом относящихся к XV в.); в свою очередь, эта совокупность подразделяется на 21 группу манускриптов (A, B, C, E, F, G, I, J, L, M, N, O, Q, R, S, T, U, V, X, Y, Z) [44]. Наиболее важными из этих рукописей являются т.н. кодекс E₁ (ms. Y.i.2 (XIII в.), хранящийся ныне в Королевской библиотеке

¹) Здесь и далее нумерация глав приводится по наиболее распространенному изданию 1955 г., подготовленному Р. Менендесом Пидалем, а также буквально воспроизводящему его текст изданию 1977 г. [14, 16], о которых см. ниже.

²) Данные на 2000 г. На данный момент это число еще более значительно; представить окончательную цифру пока невозможно, поскольку ряд атрибуций остаются дискуссионными. Сведения из личной беседы с И. Фернандес-Ордоньес, состоявшейся в 2014 г.

Монастыря св. Лаврентия, Эскориале и составленный непосредственно в скриптории Альфонсо X и под наблюдением Мудрого короля. Фрагмент этой рукописи сохранился также в кодексе E₂ (ms. X.i.4) из фондов той же библиотеки (fols. 2r – 17v). Торжественность и изысканное мастерство создателей рукописи E₁ в полной мере отражает манеру производства королевских рукописей во времена Альфонсо X: красивое и четкое готическое книжное письмо, роскошные инициалы, четко прорисованные полихромные миниатюры. Не только содержанием, но и своим потрясающим воображение внешним видом кодекс должен был отражать и репрезентировать мощь и влияние королевской власти. Это был имперский кодекс, достойный будущего императора Священной Римской империи из славной династии Гогенштауфенов. Начальные строки текста рукописи сохранили изначальное название хроники: «Здесь начинается «История Испании», которую составил благородный король дон Альфонсо, сын благородного короля дон Фернандо и королевы доньи Беатрисы» (“Aquí se comienza la Estoria de Espanna que fizo el muy noble rey don Alfonso fijo del noble rey don Fernando et de la reyna donna Beatriz”) [42, 43].

Другой важной рукописью, сохранившей текст *Estoria de Espanna*, является уже упоминавшийся выше пергаментный кодекс X.i.4 из собрания той же библиотеки Эскориала, классифицированный как E₂. На первом листе (fol. 1r) манускрипта представлена миниатюра первой половины XIV в., времен правления короля Кастилии и Леона Альфонсо XI (1312 – 1350), под которой значится: «Это – хроника Испании, и она начинается с короля дон Пelayо, который был первым королем Леона, и рассказывает о событиях до смерти дон Фернандо, который завоевал Севилью и Кордову и королевство Мурсия, и Хаэн, и многие другие поселения у границы» (“Esta es la coronica de Espanna et escomiença en el rey don Pelayo que fue el primero rey de Leon et fabla fasta la muerte del rey don Fernando el que gano Seuilla et Cordoua et el Regno de Murçia et Jahan et otros logares muchos en la frontera”) [42, 43].

Уже из этих слов видно, что текст рукописи не имеет никакого отношения к версиям, созданным в скриптории Альфонсо X; этот текст явно относится к другой хронике, содержащей рассказ о событиях, имевших место от начала Реконкисты (начало VIII в.) до времен Фернандо III Святого. Более глубокий анализ внутренней структуры текста эскориальской рукописи X.i.4 (E₂) указывает на ее крайнюю гетерогенность. Кодекс включает фрагменты разных версий текста хроники, датируемых временем от второй половины XIII в. до середины XIV в. включительно (в том числе – 17 листов (fols. 2r-17v) в начале рукописи, явно извлеченных из кодекса, ныне известного как Y.i.2 (от E₁) (см. Примечание Б). Этот факт давно известен и свидетельствует о том, что кодекс E₂ является позднейшей компиляцией. Ныне ее автором считается королевский нотариус Фернан Санчес из Вальядолида, трудившийся в королевской канцелярии. Между 1321 и 1344 гг. он поставил

своей целью дополнить содержание кодекса из королевской библиотеки, ныне известного как эскориальская рукопись Y.i.2 (or E₁), составленная в скриптории Альфонсо X. Используя фрагменты разных оказавшихся ему доступными кодексов (включая «Частную хронику св. Фернандо», строго говоря, не имеющую отношения к «Истории Испании» Альфонсо X) для того, чтобы текст был доведен до конца правления Фернандо III и охватил события в тех хронологических рамках, которые изначально задумывались Мудрым королем [35]. Объективно, составив свою компиляцию, Фернан Санчес создал новую версию текста, которая лишь косвенно соотносилась с планами Альфонсо X, но которую, как будет показано ниже, невозможно рассматривать вне текстологической традиции памятника.

* * *

Вторичный характер версии текста, составленного Фернаном Санчесом из Вальядолида очевиден. Но к настоящему времени она оказалась наиболее известной благодаря трудам великого ученого, крупнейшего специалиста по истории языка и литературы средневековой Кастилии Рамона Менендеса Пидалья (1869 – 1969). Он подготовил два издания хроники, опубликованных, соответственно, в 1906 и 1955 гг. [43, 44]; последнее издание (буквально воспроизведенное в 1977 г. [42]) было опубликовано в двух томах и снабжено обширным научным аппаратом, включая подробный комментарий и список источников хроники, структурированный по главам. Ученый стремился представить наиболее полную версию текста памятника и именно поэтому активно использовал компиляцию, связываемую ныне с именем Фернана Санчеса из Вальядолида. Первый том издания 1955 г. (и его воспроизведение в издании 1977 г.) содержал текст, выверенный по эскориальскому кодексу Y.i.2; аналогичным образом второй том того же издания представлял версию, заимствованную из эскориальской рукописи X.i.4. Лакуны в тексте были заполнены фрагментами других рукописей [42, 43].

Наиболее авторитетным критиком сделанного Р. Менендесом Пидалем стал его внук, также выдающийся филолог-медиевист Д. Каталан (1928 – 2008) [37, 41]. В своих исследованиях он полностью пересмотрел прежние представления как о рукописной, так и о текстологической традиции и существенно исправил и дополнил классификацию рукописей и версий текста; обоснованность выводов Д. Каталана подтвердили находки в рукописных собраниях Испании, прежде всего – в библиотеке Саламанкского университета, совершенные в последние десятилетия XX – начале XXI вв. Большая часть новых открытий была совершена учениками выдающегося ученого, в числе которых, прежде всего, необходимо назвать имя видного современного исследователя, члена Королевской академии, профессора мадридского Автономного университета Инес Фернандес-Ордоньес. В конечном итоге, архивные и библиотечные находки, исследования, проведенные с их учетом, а также

издания текстов, связанных с традицией «Истории Испании» Альфонсо X, открыли новую эпоху в изучении языка, литературной культуры и культуры историописания средневековой Кастилии [35, 45, 46, 47]. Результатом этой колоссальной работы стало четкое разграничение различных версий текста и рукописной традиции *Estoria de Espanna*, которое позволило увидеть текст памятника в его подлинном виде – незавершенным и состоящим из гетерогенных отрывков, что позволяет судить лишь об общих контурах амбициозного историографического проекта Мудрого короля [44-47].

2 Исследование античных влияний в средневековой культуре и системе власти (на примере работ А.Р. Корсунского)

Следующий исследуемый сюжет посвящен анализу форм интерпретации в отечественной историографии роли античного наследия и его влияния на становление средневековых форм социальной и политической организации на примере научного наследия выдающегося советского медиевиста Александра Рафаиловича Корсунского (1914 – 1980). В работе подробно рассматриваются основные сюжеты, связанные с биографией историка периода его становления, пришедшегося на 1930-е гг. [50-60], научной школой Н.П. Грацианского, к которой он принадлежал, и ее связи с традициями дореволюционной русской медиевистики в лице В.К. Пискорского [61-70], а также с общей ситуацией в довоенной советской медиевистике [71 – 85]. Особое место уделено в работе освещению военной биографии историка, находившегося на фронте начиная с 1941 г. и демобилизовавшегося лишь в начале 1950-х гг.; на основе анализа конкретных эпизодов фронтового пути историка авторы делают вывод о влиянии военного опыта на эволюцию концептуальных представлений как медиевиста [83 – 91].

В работе даны характеристики всех основных научных трудов историка, включая его монографии «Образование раннефеодального государства в Западной Европе» (1963), «Готская Испания» (1969), «История Испании IX-XIII вв.» (1976), «Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.)» (1984, посмертно). Прежде всего, он обращал внимание на колоссальную роль христианства в процессе эволюции королевской власти у варваров: в процессе становления классового общества и развивавшегося параллельно ему политогенеза старые религиозные представления вступили в противоречие с новыми социально-политическими реалиями и требовали принятия новой веры. Этой задаче в полной мере отвечало христианство, поскольку уже «в последний период существования Римской империи церковь тесно переплелась с государством» [80]. В условиях кризиса позднеримской государственности Церковь часто брала на себя функции отмирающих государственных структур, в том числе – в интересах крупных землевладельцев. Именно поэтому в поддержке духовенства, располагавшего мощными экономическими ресурсами и пользовавшегося влиянием на значительную часть населения, нуждалась и новая власть в лице варварских королей, господство которых она санкционировала. Особенно тесно церковная организация и государственный аппарат переплелись в Королевстве вестготов [80].

Участие Церкви в системе власти в самом широком смысле способствовало

«перенесению в варварское общество элементов позднеримской государственности», включая «римское “вульгарное право”» [80]. В варварских государствах Церковь сохранила прежнюю систему организации (с делением на диоцезы), которая сложилась в свое время на основе римского территориального деления – одного из элементов римской государственности. Влияние Церкви придало новые черты облику королевской власти: «Церковь ускоряла преобразование института королей, еще тесно связанного с традициями военной демократии, в институт феодальной королевской власти» [80]. Более того, «католической Церкви средневековое государство Западной Европы обязано также и перенесением из идеологии позднеримского государства доктрины о социальных целях государства» [80]. Этой своей деятельностью Церковь усиливала «идеологическое воздействие раннефеодального государства на население. Господство над эксплуатируемыми массами населения могло благодаря этому осуществляться не только с помощью голого принуждения, но также и путем идеологического влияния, в частности с помощью своеобразной социальной демагогии, заключавшейся в распространении представления о защите государством всех слоев населения и даже о предпочтительном внимании властей к нуждам неимущих и слабых членов общества» [80].

Последнее из изложенных положений звучит особенно по-марксистски; впрочем, строго говоря, и оставшаяся часть текста также не противоречила представлениям, высказывавшимся основоположниками этого учения, главным образом – Ф. Энгельсом (по меньшей мере – формально). Однако это был марксизм, непривычный в Советском Союзе: много более свободный, многомерный, гибкий, короче говоря, марксизм западного типа. С ним вполне соотносился и главный вывод исследователя о том, что включение Церкви в общественно-политическую жизнь «варварских королевств» являлось «одним из проявлений синтеза римских и германских отношений», на значимости которого настаивал А.Р. Он тут же оговаривался, что «в тех странах Западной Европы, в которых не было синтеза римских и германских отношений, Церковь оказала менее заметное влияние на формирование феодального государства» [80]. Впрочем, при ближайшем рассмотрении это оказывалось совсем не так: де-факто данные, приведенные на страницах, посвященных роли христианства и Церкви в англосаксонской Британии и раннесредневековой Норвегии, свидетельствуют скорее об обратном, в частности – о наличии в распоряжении Церкви значительных материальных ресурсов, сближавших ее с «классом феодалов» (что было справедливо, впрочем, и для остальной части средневековой Европы). Наконец, тот факт, что Церковь представляла собой «международную организацию», значительно увеличивало возможности ее воздействия на политическую жизнь и государственное управление различных стран Европы [80].

Новая (по существу – первая в советской медиевистике) интерпретация роли Церкви в процессе перехода от Античности к Средневековью стала последним кирпичом здания разработанной Корсунским концепции *синтеза римских и варварских начал*, определивших складывание раннефеодального государства. Именно эта концепция была положена в основу главной работы Корсунского – «Готской Испании» (1969 г.), а затем и в работах более позднего времени, которые рассматриваются в широком историографическом контексте, на фоне научной и личной биографии ученого, всецело принадлежавшего его эпохе. [92-125]. Подчеркивается, что, несмотря на фактическую оторванность советской медиевистики от европейской и мировой науки, концептуальные представления А.Р. Корсунского вполне созвучны современным ему историографическим течениям, разумеется – в первую очередь выводам медиевистов левого, марксистского направления, в частности – выдающегося британского историка Э. Томпсона [126 – 176].

Остававшийся до конца жизни марксистом, последняя книга которого, в тяжелейших условиях дописывавшаяся уже в больнице [93], была посвящена проблеме «социальной революции», а последняя статья (также вышедшая посмертно) – классовой борьбе [173], Александр Рафаилович Корсунский своими трудами вплотную приблизил ту область советской медиевистики, которой он занимался, к уровню западной науки, пусть и исключительно к левому, марксистскому, ее флангу. Завершить эту миссию он не смог: 15 февраля 1980 г. его не стало.

Перед его учениками, представителями созданной им научной школы, вошедшими в науку в 1970 – 1980-х гг. стояли уже принципиально иные задачи. Однако они представляют собой объект отдельного исследования (хотя в работе сообщается весьма обширная информация об этих ученых).

3 Литературное и правовое наследие Рима и его влияние на становление христианской литературы на примере средневековой испанской агиографии

Следующий раздел представляет собой попытку общего обзора основных периодов развития позднеантичной и раннесредневековой испанской агиографии и является прямым продолжением моих предшествующих попыток дать русскому читателю общее представление о христианской литературе Испании в одну из поворотных эпох испанской национальной истории. Будучи к началу Средневековья лишь комплексом римских провинций, каждая из которых в прошлом имела собственную этническую и политическую историю, и которые были связаны между собой лишь естественными границами Пиренейского полуострова, испанские земли в дальнейшем были объединены в составе сначала Тулузского (ок. 418 – 507), а затем – Толедского (507 – ок. 713) королевств вестготов. Изначально исключительно военно-политическое, в дальнейшем это объединение приобрело четко выраженный культурный характер, ставшей прочной основой для развития испанского самосознания. Последнее оказалось настолько прочным, что пережило катастрофу мусульманского завоевания начала VIII в. и получило дальнейшее развитие в культуре раннесредневековых христианских государств севера и северо-запада полуострова.

Вне всякого сомнения, именно испанской Церкви – главному хранителю наследия античной культуры, значимые элементы которой активно использовались и интерпретировались в интересах христианского духовенства, – принадлежит основная заслуга в процессе формирования исторических основ единой испанской государственности. Традиция латинской агиографии – «совокупности произведений христианской литературы и культурных объектов, посвященных, в первую очередь, жизни святых» [177], – сыграла в этом процессе далеко не последнюю роль. В эпоху, когда западная Церковь была далека от того единства, которое окончательно обрела лишь в период Высокого Средневековья, рассказы о «своих», местночтимых святых – от мучеников дециевых и диоклетиановых гонений до святых монахов Раннего Средневековья, – являлись не только значимой частью складывающегося образа единой Испании (носителями которого являлись почти исключительно элитарные слои населения), но и важным средством его пропаганды в обществе в целом. Именно поэтому испанская агиографическая традиция представляет огромный интерес в качестве объекта исследования – как исторического, так и филологического. В отечественной историографии существует немало исследований по древнерусской и византийской агиографии. Гораздо в меньшей степени представлена

агиография западная, тогда как испанская историография еще не становилась объектом специального исследования. Отсутствуют и комментированные переводы (в отличие от переводов византийской агиографии).

Начну с замечания о том, что в числе общих источников агиографической традиции принято выделять: (1) святоотеческие сочинения, соборные постановления, хроники; (2) Мартирологи; (3) церковные календари; (4) памятники христианской эпиграфики [177]. Применительно к позднеантичной и раннесредневековой Испании речь идет о следующих сочинениях:

- «Перистефанон» (*Peristephanon Liber*) Аврелия Публия Клемента Пруденция (348 – после 405) (14 гимнов, из них 9 – об испанских мучениках).
- Пассионарии («Испанский пассионарий»)³.
- Литургическая литература «готского» («мосарабского») обряда [178 – 183].
- Памятники христианской эпиграфики, включающие сведения о мучениках и святых, известные по многочисленным изданиям [184-186]. В числе новейших публикаций следует указать, прежде всего, цифровую базу данных *Hispania Epigraphica* [187], а также наиболее полное на сланцевых табличках, подготовленное профессором Департамента классической филологии факультета «Филология А» И. Веласкес-Сориано [188].

Переходя к вопросу о структуре общей схемы жанров агиографической литературы [177], целесообразно исходить из схемы, предложенной И. Веласкес Сориано, в свою очередь, воспроизводящей принципы классификации, некогда установленные в работах И. Делэ.

I. По форме: прозаические и поэтические (гимны, поэмы с агиографическими сюжетами).

II. По содержанию:

- «Мученичества» (=акты мучеников) (*martyria; passiones*);
- Жития (*vitae*) (их главные персонажи – святые, но не мученики);
- Чудеса (*miracula*);
- Перенесения (мощей) (*translationes*) («Перенесение тела св. Сатурнина» в РП.50).

Вероятно, эта схема не идеальна. По моему мнению, к ней следует добавить (в качестве отдельных подразделов): (1) литургические тексты (гимны и др.), посвященные святым, содержащиеся в антифонариях, молитвословах и др.; (2) христианские биографии, которые на практике непросто отличить от житий; (3) произведения промежуточной

³) Известен в двух основных изданиях [178].

жанровой принадлежности (всякого рода “*Vita vel passio...*”). В работе приводятся также сведения о важнейших изданиях позднеантичной и раннесредневековой житийной литературы, а также важнейших исследований, затрагивающих связанный с ним исторический, филологический и общекультурный контекст [189 – 191].

* * *

Теперь – о жанровой и источниковедческой специфике испанской агиографии. Начну с «мученичеств» (*passiones*). Существующую их классификацию в 1921 г. предложил бельгийский болландист И. Дэлеэ, который подразделял маририи на три группы: (1) официальные документы (протоколы судебных заседаний против христиан, подвергнутых пыткам и приговоренных к мученической смерти за свои христианские убеждения, а также свидетельства лиц, непосредственно присутствовавших на таких процессах); (2) рассказы, основанные на таких документах (из испанских маририев к числу таковых относятся акты свв. Викентия, Фруктуоза и Евлогия); (3) свободные рассказы, в том числе – с добавлением вымышленных деталей и о вымышленных персонажах; последние в нашем случае преобладают [177].

К наиболее значимым испанским *passiones* следует отнести:

- «Мученичества» Вестготского времени: св. Евлалии Барселонской (РН; VII в.); св. Евлалии Меридской (ИП; кон. VII – нач. VIII вв.); св. Феликса Жиронского (РН; сер. VII в.); бесчисленных мучеников сарагосских (РН; нач. VII в.); свв. Юсты и Руфины (РН; VI – VII вв.); свв. Юста и Пастора (РН; нач. VII в.); св. Леокადии Толедской (РН; начало VII – VIII вв.); св. Манция (РН; VI – нач. VII вв.); свв. Викентия, Сабины и Христелы Авильских (РН; кон. VI – нач. VII вв.);
- «Мученичества», составленные в период Раннего Средневековья: свв. Эмеретия и Целедония (РН; VIII в.); свв. Асискла и Виктории (РН; ок. сер. X в.); св. Кукуфата (РН; сер. VIII в.); свв. Факунда и Примитива (РН; вторая пол. X в.); свв. Фавста, Януария и Марциала (РН; вторая пол. VIII в.); «Житие или мученичество св. Пелагия» (X в.); свв. Серванда и Гемана (РН; VIII в.); «Житие или гибель св. Торквата со товарищи» (РН; VIII в.); (ранее сер. X в.); свв. Вериссима, Максимы и Юлии (РН; ранее сер. X в.); св. Виктора из Сересо (X в.); «Житие или мученичество» Аргентеи Кордовской со товарищи (РН; X в.).

В качестве исторического источника эти тексты важны, главным образом, в двух основных аспектах. Если подходить к их содержанию с точки зрения позитивистской методологии, можно выявить в «мученичествах» значимые детали политической, социальной, культурной истории своего времени, а также реалий повседневной жизни

(«мученичество» св. Евлалии Меридской (РН.): суд наместника Кальпурниана (*praeses* провинции Лузитания) на форуме Эмериты Августы (Мериды), система римского судопроизводства в целом и т.п.).

Однако в настоящее время, однако, гораздо важнее рассматривать «мученичества» как средства консолидации христианского общества в разные периоды его истории. Не случайно, в частности, то, что значительная часть испанских «мученичеств», вошедших в «Испанский пассионарий» была создана в эпоху мусульманского завоевания (VIII – X вв.), хотя речь идет о событиях много более раннего времени (дециевы и диоклетиановы гонения). Существенным представляется и факт явного преобладания «мученичеств» в ряду памятников агиографической литературы рассматриваемого периода.

С этой точки зрения интересны используемые агиографами средства эмоционального воздействия на массовое сознание; в частности, тот факт, что среди мучеников представлены люди всех социальных слоев и возрастных групп, что позволяло каждому читателю (или слушателю проповеди, апеллировавшей к тексту соответствующего «мученичества») обрести особенно понятный и социально-близкий пример для подражания. Идея твердо придерживаться веры и не отступать от нее даже под угрозой смерти была актуальна не только в условиях периодических гонений на Церковь мусульманских властей (которые, конечно, случались, но не носили «тотального» характера), но и (что еще важнее) в ситуации ползучей ассимиляции. Несмотря на формальные запреты (в том числе – со стороны мусульманских властей), распространение элементов образа жизни мусульманской общины на христианское население Аль-Андалуса уже в IX в. ощущалось достаточно сильно и в перспективе угрожало отказом от прежней религиозной идентичности. Среди прочего, это стало одной из причин т.н. «добровольных мученичеств» 850-х гг. Сознательное публичное поношение имени Аллаха христианами было призвано сплотить христианскую общину перед лицом неминуемых ответных репрессий.

Несколько иной характер культ мучеников, отраженных в рассматриваемых мной текстах, воспринимался на территории христианской Испании в период Раннего Средневековья. Здесь субъектом, наиболее заинтересованным в сплочении христианского общества, являлась королевская власть и поддерживающая ее часть образованного клира. В условиях «атомизации» социальной структуры общества, раздробленного на отдельные (нередко – враждующие друг с другом) кланы, идея единения в защиту христианской веры выступала одним из ключевых элементов пропаганды. На то, как она проявилась в историографических текстах этого времени («Альбельдская хроника», «Пророческая хроника», версии «Хроники Альфонсо III», датируемых концом IX в.) наглядно показал, в частности, современный испанский историк А. Исла Фрес. С одной стороны, в этих хрониках

явно (вплоть до искажения фактов) преувеличивались сила и влияние королевской власти. С другой – утрировались черты религиозного противостояния, субъекты которого – мусульманский и христианский социумы, – на самом деле не являлись столь сплоченными и мотивированными, как это представляли хронисты.

Обращу внимание, вместе с тем, и на такую черту раннесредневековой культуры христианской Испании, как выраженные апокалиптические настроения. В частности, именно в это время Беат Льебаннский (ок. 730 – после 798) создал свои «Комментария на Апокалипсис в 12 книгах» (ок. 776 г.; ок. 784 и 786 – поздние редакции). Колоссальная традиция распространения иллюминированных рукописей этого текста (т.н. «беатов») около 1000 г. (конец X – XI вв.) явно отражает степень интереса к этому тексту.

В эту картину вполне укладываются и высказанные выше наблюдения относительно роли «мученичеств» в раннесредневековой испанской агиографии.

* * *

Собственно, жития в узком смысле представляют собой жанр, как уже говорилось, наиболее близкий к античной биографии, поскольку предполагает (пусть и не всегда равномерное) описание всей жизни святого – от рождения до смерти. Обязательными элементами жития является также описание не только прижизненных, но и посмертных чудес, прямо или косвенно связанных с образом святого.

Житийные тексты, созданные в рассматриваемый период по хронологическому принципу можно разделить на две группы по хронологическому принципу. К первой следует отнести жития вестготского времени; к этой группе относятся такие значимые тексты, как «Жития свв. Отцов Меридских» (аноним) (633-638 гг.; 672-680 гг. (окончательная редакция)); «Житие или мученичество св. Дезидерия Вьеннского» (Сисебут); «Житие св. Эмиллиана» (Браулион Сарагосский); «Житие св. Фруктуоза» (аноним). Вторую группу составляют раннесредневековые жития, в числе которых – анонимное «Житие св. Евлогия Кордовского» Павла Альвара (IX в.); леонское «Житие св. Фроилы, епископа Леонского» (X в.); «Житие Сальва, аббата Альбельдского» (сер. X в.); «Житие св. Ильдефонса» (XI в.) (Сиксила? Псевдо-Элладий?).

По содержательному же принципу эти тексты также подразделяются на две основные группы. К первой из них относятся жития, явно инспирированные восточными и западными «житиями монахов». Речь идет о «Житии св. Эмиллиана» Браулиона Сарагосского и анонимном «Житии св. Фруктуоза», которые четко отражают общую тенденцию эволюции типа святости – от святого-мученика к святому-монаху. Ко второй группе целесообразно отнести жития, тесно связанные с моделью «мученичеств», которая особенно сильно чувствуется в «Житиях свв. Отцов Меридских» (аноним) (633-638 гг.; 672-680 гг.

(окончательная редакция)) и «Житии или мученичестве св. Дезидерия Вьеннского», написанном единственным в своем роде королем-агиографом Сисебутом (612 – 621). Такая же двойкость отличает и житийные тексты времен Раннего Средневековья.

* * *

Перейду к последнему жанру, явно отстоящему от испанской агиографии, но столь же явно с ней связанному. Речь идет о христианских биографиях. К этой категории я бы отнес три текста – сочинения «О знаменитых мужах», написанные Исидором Севильским и Ильдефонсом Толедским, а также «О происхождении и жизни Святых Отцов, которые восхваляются в Священном Писании», принадлежащее перу первого из названных авторов.

Сочинение «О знаменитых мужах» (“*De viris illustribus*”) Исидора Севильского (ок. 570 – 636) представляет собой сборник из 33 биографий, в том числе – 10 жизнеописаний испанских христианских писателей (Осия (Осии) Кордовского, Итация Севильского, Апрингия Бежского, Юстиниана Валенсийского, Мартина Думийского, Леандра Севильского, Севера Малагского, Иоанна Жиронского, Евтропия Валенсийского и Максима Сарагосского. Одноименное сочинение Ильдефонса Толедского (ок. 607 – 667) включает 14 биографий – от жизнеописания папы Григория Великого до биографии Евгения II Толедского. За исключением первого, все остальные писатели, фигурирующие в тексте сочинения, родились и творили в Испании. В их числе – Астурий Толедский, Монтан Толедский, Донат, аббат Сервитанского монастыря, Австразий Толедский, Иоанн Сарагосский, Элладий Толедский, Юст Толедский, Исидор Севильский, Ноннит Жиронский, Конанций Паленсийский, Браулион Сарагосский, Евгений I Толедский и Евгений II Толедский. Позднее сборник был дополнен биографиями самого Ильдефонса (*Юлиан Толедский* (ранее 640 – ок. 690)), а также Юлиана (*Феликс Толедский* (693 – ок. 700 гг.)).

Истоки жанра «О знаменитых мужах» являются несомненно античными и восходят к одноименному сборнику Светония, модель которого в христианскую литературу привнесли в IV – V вв. Иероним Стридонский и Геннадий из Массалии.

Отдельного разговора заслуживает сочинение Исидора Севильского «О происхождении и жизни Святых Отцов, которые восхваляются в Священном Писании» (“*De ortu et obitu sanctorum partum qui in Scriptura laudibus efferuntur*”). Оно включает 86 биографий ветхо- и новозаветных Отцов, от Адама и ветхозаветных пророков до апостолов, евангелистов и далее – до Тита, адресата послания ап. Павла. Из их числа 54 фигурируют в Ветхом Завете, а 32 – в Новом.

Если последний текст интересен скорее самим фактом своего существования, то первые два (в том числе – как материал для сопоставления) значимы по двум причинам. Во-первых, рассмотренные в сопоставлении, они отражают определенную тенденцию к замкнутости, свойственную Испании

вестготского времени: если в сочинении Исихора еще присутствуют характеристики неиспанских писателей, то у Исихефонса они практически исчезают. Во-вторых, оба текста позволяют проследить эволюцию образа христианского интеллектуала – от писателя к проповеднику. Вершину тенденции, в этом смысле, вероятно олицетворяет Исихор, который восхваляется не столько за его литературные труды, сколько за блестящие ораторские способности. При этом, высочайший престиж интеллектуального труда оказывается несомненным: не случайно в позднем житии Исихефонса Толедского он выступает в качестве одного из проявлений святости.

* * *

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о высокой степени оригинальности как состава корпуса источников испанской агиографической традиции, так и структуры и соотношения ее жанров. Причину этой оригинальности следует связать с относительной замкнутостью испанской Церкви в период до XI в. Максимальной степени эта замкнутость достигла в VII в., с фактической утратой связи с восточно-христианской традицией и ограничением активности связей с Римом.

Зафиксированное выше определяющее место жанра *passiones* в агиографической традиции, видимо, следует объяснять, впрочем, не только внешней замкнутостью испанской Церкви, но и спецификой ее истории – репрессиями завершающего периода правления королей-ариан (анонимные «Жития свв. Отцов Меридских»), тесной связью Церкви и королевской власти («Житие или мученичество св. Дезидерия» Сисебута), а также мусульманским завоеванием начала VIII в. В связи с последним следует указать на опыт «добровольных мученичеств» (850-е гг.) и значимость образа мученика для консолидации христианской общины как Аль-Андалуса, так и христианской Испании.

Вместе с тем, общая тенденция эволюции доминирующего образа святого (от святого-мученика к святому-монаху), характерная для западной (и восточной) христианской традиции в целом, прослеживается и в испанской агиографии вестготского времени («Житие св. Эмилиана» Браулиона Сарагосского, анонимное «Житие св. Фруктуоза», содержание компиляции Валерия Бергиденского и др.).

Таким образом, обращая внимание на специфику испанской агиографии указанного периода, в конечном итоге, необходимо признать, что она развивалась как неотъемлемая часть не только западно-христианской традиции, но и традиции Единой Церкви. Последнее представляется особенно важным и объясняет, в частности, посещение восточными паломниками западных (а возможно – и испанских) святых еще и в конце XI в. и даже в более поздний период.

4 Истоки русской государственности в религиозно-культурной перспективе

4.1 Римское наследие и эволюция властных структур в западноевропейском средневековье (на примере кастильского феодального права)

Наконец, Раздел 4 посвящен исследованию религиозно-культурной перспективы становления и развития средневековой русской государственности (от Древней Руси до Московского царства) с учетом широкого внешнего историко-культурного и историко-правового контекста. Применительно к последнему рассматривается влияние античных правовых моделей на становление средневекового права на примере важнейшего памятника средневекового испанского законодательства – фуэро Леона (1017 – 1020) [192-193]. Несомненная связь содержания средневекового юридического текста с комплексом смыслов, определявших античным понятием «форум» как рыночной площади и места собраний (неслучайно именно к латинскому *forum* восходит средневековая форма *fuero*) четко проявляется в характере памятника [194-196].

Памятник исследуется с учетом контекста его исследования и перевода в отечественной медиевистике, сообщаются общие сведения о переводчиках текстах – учениках А.Р. Корсунского Ольге Игоревне Варьяш (1946 – 2003) и Сергее Дмитриевиче Червонове (1955 – 1988) [197, 198]. Сообщается о рукописной традиции памятника (по понятной причине, недоступной для советских исследователей середины 1980-х гг.), и о многочисленных изданиях фуэро Леона, далеко не все из которых были в наличии в советских библиотеках [199 – 205]. С учетом широкого историографического контекста [206-210] устанавливается место в его рамках сборника работ по истории средневековой Испании, в котором был помещен перевод фуэро. Большое внимание уделяется также общему состоянию научных и культурных связей СССР с пиренейскими странами в указанный период, неотъемлемой частью которого стала работа по переводу фуэро на русский язык.

Однако основная часть параграфа 4.1 посвящена характеристике собственно перевода как источника по истории советской медиевистики середины 1980-х гг. [74 – 221]. Подчеркивается, что в своей работе О.И. Варьяш и С.Д. Червонов исходили из принципов, усвоенных ими под руководством А.Р. Корсунского, который, в свою очередь воспринял их

от Н.П. Грацианского (в свою очередь, представлявшего научную школу В.К. Пискорского) [61].

Перевод фуэро Леона, подготовленный О.И. Варьяш и С.Д. Червоновым, представлен с небольшими сокращениями, объяснявшимися, вероятно, соображениями объема⁴. Он характеризуется корректным использованием лингвистических средств русского языка для передачи содержания латинского текста. Его стилистика отличается простотой и элегантностью: переводчики не стремятся к нарочитой архаизации стиля и лексики; они ориентируются на нормы современного русского языка (стиль, синтаксис, лексика), стремясь добиться максимальной ясности содержания.

При этом, несложно отметить и нормы, которые современные переводчики считают избыточными. Так, например, О.И. Варьяш и С.Д. Червонов активно используют квадратные скобки для введения слов, отсутствующих в латинском тексте, но предполагаемых содержанием соответствующей фразы. Так, например, латинский фрагмент “... nullus contineat seu contendat episcopis abates suarum diocesseon...” (Fuero de León (FL). 3) переводчики передают следующим образом: «...чтобы никто не отнимал и не оспаривал [верховенства] епископов над аббатами ... их диоцезов...» (Фуэро Леона... С. 172); при несомненной адекватности предложенной перевода, представляется, что в данном случае квадратные скобки вполне могут быть опущены, т.к. место в принципе не предполагает иных толкований. Еще один подобный пример – перевод латинского фрагмента “... sacrilegium solvat” (FR.4), передаваемого как «...пусть платит [штраф за] святотатство»; квадратные скобки здесь также могут быть опущены без всякого ущерба для смысла; думается, можно опустить и слово «штраф». Однако, во всех подобных случаях переводчики лишь следуют принципам Н.П. Грацианского, которые в тот период не подлежали оспариванию (с той лишь разницей, что сам он использовал в аналогичных случаях круглые скобки).

При необходимости, понятия, предполагающие двоякое (или даже тройное) толкование дублируются в скобках на языке оригинала. При ближайшем рассмотрении оказывается, что примеры следования этой норме присутствуют едва ли не в каждом параграфе: «собораниях» (concilia) (FL.1), «грамоты» (testamentum) (FL.2), «честными людьми» (veridici homines) (FL.2), (cultores ecclesiae) (FL.2), «разбой» (rapina) (FL.4), «штраф» (calumnia) (FL.4), «убийство» (homicidium) (FL.5) и др. С каждым случаем такого рода следует разбираться особо; в одних местах такого рода дублирование является оправданным, в других – избыточным. Так, например, при всем многообразии значения

⁴) Выпущен перечень топонимов, обозначающих границы юрисдикции судебных властей г. Леона от слов “infra subscriptos términos” вплоть до “propter contentiones quas habuerunt...” (FL.28).

слова “*concilium*”, в FL.1 его контекст делает содержание понятия настолько ясным, что не требует пояснения; с другой стороны, в FL.45 использование того же слова в латинском тексте никак не комментируется, тогда как в данном случае его значение весьма специфично – речь идет о специфически-испанском (точное – леоно-кастильском) институте консехо – средневековой территориальной общины. Можно привести и некоторые другие примеры подобного рода.

В ряде случаев (впрочем, отнюдь не злоупотребляя этим средством) переводчики передают содержание латинских слов транскрипцией соответствующего им понятия либо в средневековом, либо в современном испанском (кастильском) языке. Помимо приведенного выше примера со словом “*concilium*” (консехо), в тексте перевода можно найти и другие – “*junior*” (хуньор (категория зависимых крестьян)), а также “*miles*” (кабальеро). В первом случае правомерность подобного перевода не вызывает сомнений, поскольку сколь-нибудь адекватный аналог латинского слова в русском языке отсутствует. В последнем же случае такой перевод кажется недостаточно правомерным; ясно, однако, из чего исходили сами переводчики, ориентировавшиеся на испанскую историографию «народного рыцарства» (исп. *caballería popular*), противопоставлявшую бюргерскую конницу «настоящему» рыцарству (т.е. феодальной аристократии).

Наиболее, однако, показательными для своего времени (и, соответственно, интересными для современного читателя являются те случаи перевода, в которых наиболее последовательно отражается влияние марксистской методологии. Следует подчеркнуть, что в исследуемый период О.И. Варьяш и С.Д. Червонов являлись убежденными марксистами (что вовсе не исключало критических оценок ими современной им советской действительности; часто даже все было совсем наоборот). В частности, С.Д. Червонов, в свое время искренне уверявший автора этих строк в том, что история средневековой Испании дает наиболее адекватные примеры эффективности марксистской историософии, являлся не только членом КПСС, но и членом парткома Исторического факультета МГУ, что для молодого преподавателя было скорее исключением, чем правилом. Что же касается О.И. Варьяш, то она, как вспоминает, П.Ю. Уваров, «не без легкого фрондерства иногда именвала себя “энгельсисткой”» [197].

Подобный образ мышления в середине 1980-х гг. в среде советских гуманитариев являлся почти абсолютным правилом. Было бы большим преувеличением утверждать, что наиболее продвинутые из последних (в частности, из числа историков) «уже тогда» понимали ущербность марксистской методологии. Разумеется, думающие люди той эпохи (и отнюдь не только специалисты-обществоведы) осознавали растущую пропасть между реальной жизнью и официальной идеологией. Однако причину этого видели либо в самой

жизни, неспособной (по тем или иным причинам) воспарить до «сияющих высот» «единственно верного учения», либо (что встречалось гораздо чаще) в извращении сути последнего. Отсюда – обостренные поиски истины, не выходившие за пределы марксистского мышления: от позднесоветского и сталинского официоза – к Ленину, от Ленина – к Марксу, от «зрелого Маркса» к «Марксу молодому», или же от него к Энгельсу, или же от Ленина – к А. Грамши, Мих. Лифшицу или Г. Лукашу (и т.п.).

Представляется, что русский перевод фуэро Леона содержит некоторые показательные примеры, отражающие общую тенденцию. Прежде всего, речь идет о передаче слова “servus” («серв») и “ancilla” («из челяди короля»), вместо представляющихся сейчас очевидными вариантами «раб» и «рабыня». Причину подобного словоупотребления следует искать в господствующем и в советской науке середины 1980-х гг. представлении о рабстве как принадлежности исключительно «рабовладельческой формации», в уверенности в определяющей значимости «феодальной перестройки отношений рабства, кабалы и несвободы, унаследованных от поздней античности и варварского уклада» [221], которая не оставляла места для традиционного рабства.

Не менее показательным представляется и перевод латинского “haereditas” (в данном случае – «наследственное земельное владение») сразу целым рядом русских слов и выражений: «земельный участок» (FL.7, 13, 24), «надел» (FL.10, 11, 12), «поместье» (FL.10), «земля» (FL.15). Подобное многообразие определялось не только различиями конкретных контекстов в содержании конкретного памятника, но и наличием явных проблем во встраивании этого типа земельного владения в марксистские представления о развитии средневекового землевладения в том их виде, который был сформулирован, в первую очередь, в работах А.И. Неусыхина и сохранялся до конца истории советской медиевистики. Как известно, последний, исходя из представлений основоположников марксизма (в первую очередь – Ф. Энгельса), уделял особое внимание эволюции форм землевладения, изначально связанных с крестьянской общиной [163, 221], последовательно противопоставляя аллод как форму свободного крестьянского владения (соответствующей т.н. «соседской общине») и вотчину, крупное земельное владение, являвшееся одним из атрибутов господствующего класса.

В случае “hereditas”, однако, основная проблема состояла в том, что, будучи, по существу, свободно отчуждаемым земельным владением, эта форма, с одной стороны, выступала как мелкое или среднее владение крестьянского типа, в определенной степени связанная с институтом крестьянской общины, а с другой – в некоторых случаях проявляла себя как вотчина, т.е. как атрибут господствующего класса. Именно поэтому ни О.И. Варьяш, ни С.Д. Червонов не решились уверенно квалифицировать “hereditas” как форму

аллодиального владения, хотя последний и не отрицал наличия черт сходства с последней [217].

Наконец, явным проявлением свойственного для марксистов акцента на социально-экономическом в противовес формально-юридическому является перевод начала параграфа FL.29 (“*Omnes habitantes intra muros et extra praeditae urbis semper habeant et teneant unum **forum**...*”): «Пусть у всех, кто живет внутри и снаружи стен города, будет один **рынок**» (выделено мной – О.А.). Очевидно, однако, что в данном случае речь явно идет не о рынке (“*mercatum*”; см.: FL.32), а о едином правовом режиме для всех горожан, т.е. о фуэро; да и сами переводчики в другом случае (FL.39) дают вполне адекватный перевод латинского “*forum*” (“*qui vinatarius non fuerit per forum*” – «кто не является виноделом по фуэро»).

Что касается комментария, то он состоит из краткой вступительной статьи (см.: Фуэро Леона) и примечаний, помещенных после текста перевода (см.: Фуэро Леона), а также из одного подстраничного примечания (см.: Фуэро Леона), содержащего альтернативный вариант трактовки одного из мест в тексте фуэро. Такая структура, в целом, характерна для манеры изданий переводов источников, сформировавшейся в школе Н.П. Грацианского (в частности, с упоминавшимся выше переводом текста «Салической правды», изданном в 1950 г.); правда, в приведенном примере представлены тексты не только перевода, но и оригинала, тогда как в нашем случае последний явно опущен из соображений объема. Опосредованно представленная модель издания текстов восходит к серии “*Monumenta Germaniae Historica*”, принципы которой, естественно, воспроизводятся в несколько сокращенном варианте.

Во вступительной статье сообщаются общие данные об источнике, говорится об обстоятельствах его издания, существующих текстологических версиях, публикациях, положенных в основу перевода, а также дается перечень основной литературы, использованной для составления комментария, с явным акцентом на труды К. Санчеса-Альборноса и его ученика Луиса Гарсия де Вальдеавельяно (1904 – 1985), широко представленные в перечисленных выше советских библиотеках.

Что же касается содержания постраничных примечаний, то они посвящены замечаниям терминологического характера (FL. preamb., 2, 4, 5, 9, 14, 18, 23, 25, 26, 28, 43), указаниями на различия текстов бракарской (ред. А) и овьедской версий памятника (FL. preamb., 8, 11), авторских трактовок содержания трудных для перевода фрагментов (FL. 9, 24), компаративному анализу (FL. 9, 39) и возможным иным грамматически корректным вариантам конкретных фрагментов (FL.20). При этом, авторы комментария делают акцент на объяснении явлений не только (и не столько) социально-экономического, сколько историко-

правового характера, что следует также признать характерным для школы В.К. Пискорского-Н.П. Грацианского.

4.2 Московское княжество и московское царство на перекрестке культур. Рецепция античной и византийской модели

Следующий параграф раздела посвящен истории и культуре Древней Руси [222 – 224], в первую очередь – роли христианства как средства приобщения русских земель к античной традиции, а также проблеме степени форм византийских влияний [225-226]. Особое внимание уделяется роли древнерусской литературы (в том числе – переводной византийской литературы) в становлении и развитии культов древнерусских святых [227-228], а также отражение сходных тенденций в сфере христианского искусства (в том числе – изобразительного [229]. Ставится и проблема восточных влияний на русскую культуру этого времени [230].

Сосредотачиваясь на изобразительном искусстве как отражении самых разных влияний и тенденций, авторы рассматривают его на примере разных периодов и региональных вариантов. Письменные источники и сохранившиеся памятники свидетельствуют о том, что в это время в Москве, Новгороде, вероятно – во Пскове и, может быть, в других крупных городах Руси работало много выдающихся живописцев византийского и балканского происхождения, сформировавшихся в мастерских Константинополя и Фессалоники. Они принесли на Русь разнообразные, но всегда – высококачественные варианты так называемого палеологовского стиля [231-232].

Этот стиль, названный по последней императорской династии, возродил унаследованные от античности классические формы поздневизантийского религиозного сознания формы, приспособив их к особенностям Руси. Во второй половине XIV века русские земли узнали оба основных варианта палеологовского искусства. Одним из них было экспрессивное течение, смело искажавшее и стилизовавшее форму, чтобы показать процесс духовного перерождения человека. Второй, более традиционный и уравновешенный вариант стиля позволял создать полноценный образ физически и духовно прекрасной личности, преобразившейся благодаря воздействию божественной благодати.

Вместе с этими художественными концепциями византийские иконописцы и фрескисты принесли на Русь сложную систему живописных приемов, рассчитанных на использование мастерами-виртуозами. И сравнительно немногочисленные свидетельства письменных источников, и сохранившиеся произведения позволяют говорить о том, что

русские иконописцы усваивали эти приемы не только путем копирования, но и более эффективным способом, обучаясь у византийцев и помогая им при создании крупных живописных ансамблей. В тех землях, где в последние десятилетия XIV и в начале XV века строилось и украшалось много каменных храмов – в Новгороде и особенно в Москве, которая к тому времени стала резиденцией и великого князя Владимирского, и митрополита всея Руси, – сложилась подвижная, менявшая свой состав, но устойчивая греко-русская художественная среда, определившая характер элитарного русского искусства. О ней проще всего судить в случае с Москвой (аналогичное явление в Новгороде, по-видимому, было менее цельным из-за отсутствия централизованного княжеского заказа и свободной миграции мастеров, которые, подобно знаменитому Феофану Греку, могли уходить из Новгорода в княжеские столицы Северо-Восточной Руси). Судя по уцелевшим иконам, книжным миниатюрам и фрескам, связанным с Москвой и второстепенными городами ее окружи, здесь одновременно работали несколько выдающихся мастеров византийской выучки и их последователей – вероятно, большей частью русских. Некоторые из них явно принадлежали к одному художественному кругу и, может быть, к одной мастерской, другие работали отдельно, но иногда для исполнения особенно ответственных и крупных заказов могли объединяться с иными коллективами.

Комплексный анализ источников и артефактов дает основания видеть в Москве рубежа XIV–XV веков не просто одну из нескольких «художественных столиц» Руси, но и своего рода восточнославянский Константинополь в миниатюре. Здесь не только создаются великие произведения, такие как иконы Звенигородского чина, иконы деисусного чина из Успенского собора в Звенигороде а впоследствии – рублевская «Троица», но и разрабатываются новые иконографические темы и целые типы живописных ансамблей. Достаточно напомнить, что именно московское искусство породило систему высокого многоярусного иконостаса и его центральную композицию – эсхатологический образ Спаса в силах), то есть Христа во славе, восседающего на своем небесном престоле. Здесь же, вероятно, благодаря Феофану Греку, оставшемуся в памяти образованных современников (об этом мы знаем по восторженному отзыву Епифания Премудрого в его письме Кириллу Тверскому), сложился архетипический образ «пресловущего», то есть знаменитого живописца повлиявший на восприятие современниками и потомками Андрея Рублева и Дионисия.

Местная художественная жизнь становится явлением общерусского значения. Еще до окончательного торжества Москвы как общерусского политического центра она стала церковной столицей Руси распространяя свое культурное влияние и на Северо-Восток, и на Новгород, и на гораздо более далекие земли, которые, казалось бы, уже жили отдельной

жизнью, но до середины XV века номинально еще подчинялись проживавшим в Москве киевским митрополитам. Так, непредвзятый анализ икон XV столетия, происходящих из нынешней Западной Украины, показывает, что московские импульсы в виде определенных сюжетов и композиционных схем доходили почти до Кракова, влияя на дальнейшее развитие искусства Галичины, Волыни и Карпат. Впрочем, эти территории, судя по всему, не были изолированы и от других художественных центров, оказавшихся внутри границ современной России – прежде всего, от Новгорода. Если даже дальние юго-западные земли бывшей Киевской Руси в XV веке еще не покинули общее культурное пространство, то Новгород, Псков, Тверь и Рязань тем более должны были испытывать влияние московского искусства, хотя в эту эпоху они и не входили в состав Московского государства.

Однако сказанное не означает безусловного художественного первенства Москвы и первичности ее искусства. Столицы других княжеств и земель поддерживали связи с Византией не только через центр русской митрополии, но и самостоятельно. В Новгороде и, вероятно, не только там также сложилась собственная художественная среда, имевшая прочную византийскую основу и высоких покровителей. Даже иконографические новации, приходившие из Москвы, здесь толковались по-своему, а в стилистическом отношении новгородские и псковские иконы имели очень мало общего с московскими произведениями. Московская живопись XV столетия и в эпоху Рублева, и в эпоху Дионисия развивает традиции поздневизантийского классицизма, облегчая и поэтизируя его величественные формы [233]. Московские мастера стремятся к гармоничности и абсолютной ясности художественного строя, добиваются ритмической законченности композиций, ценят равновесие форм и создают мягкие, проникновенные образы святых, которые как будто тихо беседуют со зрителем, исподволь пробуждая в его душе стремление к нравственному возрастанию.

Совершенно иначе выглядит искусство Новгорода и Пскова, не говоря уже о том, что оба эти центра, в свою очередь, мало похожи друг на друга [231]. Псковская традиция, оформившаяся в первой половине XV века, строится на антиклассических началах: в ее основе лежит экспрессивный вариант поздневизантийской живописи, позволяющий передать глубокую взволнованность персонажей, напряженность их духовной жизни и готовность к подвигу ради единения с Господом. Чтобы показать это состояние, фигуры изображаются в резком движении, лицам придается почти гротескная выразительность, цветовая гамма строится на сопоставлении темных тонов и ярких вспышек света, а пластическая форма моделируется темпераментно и обобщенно.

Новгородская живопись в первой половине XV столетия более разнообразна. От этого времени остались иконы и миниатюры, в которых заметно воздействие разных

стилистических течений включая экспрессивную живопись второй половины XIV века. Тем не менее, новгородские мастера не пошли по пути соседей-псковичей и создали свой художественный идеал на иной основе. В новгородских произведениях форма не искажается, а сохраняет структурность и пластическую полноценность, лики обладают правильными очертаниями, цветовая гамма остается разнообразной и звучной. Определенность и предметность художественного языка новгородской иконы сочетается с предельной отчетливостью ее эмоционального строя. Несколько геометризованные формы, пластические и цветовые контрасты подчеркивают героическую мощь персонажей. Их физическая сила усиливает духовную значительность образов, которые являют зрителю ясно сформулированный нравственный императив [231-233].

Миграция византийских иконописцев на Русь могла прекратиться по нескольким причинам, сводящимся к неблагоприятной политической обстановке. К их числу, вероятно, относились династическая война в Московском княжестве, Ферраро-Флорентийская уния 1438–1439 годов и последовавший за ней церковный разрыв между Москвой и Константинополем, экспансия турок-османов, которая вряд ли благоприятствовала использованию традиционных путей между Византией и Русью, наконец – падение Константинополя в 1453 году. Однако не менее важным кажется то, что ведущие центры Руси выработали свою модель художественной жизни. Она уже не требовала присутствия учителей-греков, обеспечивала заказчиков художественными силами нужного уровня и чем дальше, тем больше воспринималась как нечто самодостаточное – в том числе в эстетическом отношении. В этих условиях местное «чувство формы» стало доминирующим, среда мастеров – очевидно, более монолитной, а система приемов подверглась почти академической стандартизации. Хотя русскую живопись второй половины XV века можно сопоставлять с искусством греческого мира и Балкан, порой находя общие черты, в целом эти явления связаны между собой слабо. Это видно из сравнения московских памятников эпохи Андрея Рублева и живописи последней трети XV века, которую олицетворяют произведения Дионисия и мастеров его круга. От родственных византийских памятников произведения рублевского времени отличаются особыми качествами – пластической обобщенностью рельефа, ведущей ролью силуэта и линии, идеализацией образов, которые кажутся менее портретными, чем на византийских иконах. Ориентируясь на художественную систему поздневизантийского классицизма, московское искусство раннего XV века не полностью использует ее возможности, сокращая арсенал используемых средств, лишая фигуры физической весомости, а лики – ораторского пафоса.

Тем не менее, по сравнению с образами эпохи Дионисия образы времени Рублева выглядят гораздо более византийскими. В них сохраняется равновесие между условностью

художественного языка, позволяющей сосредоточить внимание зрителя на универсальных идеях, и глубиной характеристики персонажа. На этом фоне искусство конца XV века воспринимается как прекрасная абстракция: сохраняя признаки генетической связи с живописью палеологовской Византии, оно не придает большого значения индивидуальным чертам образов и подвергает их унификации. Имперсональность московской живописи конца XV века, легко узнаваемой по изящным, сильно удлинненным фигурам с маленькими головами и едва намеченными чертами ликов, могла быть программной, но вместе с тем это закономерное следствие «жизни без Византии», отсутствия прямых контактов с греческим миром и его искусством, которое в этот период, переживая не лучшие времена, все же сохраняло память о величественных фигурах и ярких образных характеристиках палеологовского искусства.

Все сказанное имеет отношение не только к московской культуре. Сходство путей развития изобразительного искусства в крупнейших центрах Северо-Востока и Северо-Запада Руси не может быть объяснено лишь тем, что все они принадлежали к большой православной ойкумене. Вполне очевидно, что в XV столетии Русь представляла собой общее, хотя и сложно организованное культурное пространство, где одни и те же идеи могли бы распространиться и без импульсов московского происхождения. И все же этот мир был разнообразным, а перспективы его эволюции – непредсказуемыми. Из-за неравномерной сохранности памятников мы не можем судить о всех вариантах искусства XV века. Однако, если опираться на то, что есть, складывается впечатление, что не каждый крупный город обладал своей оригинальной художественной школой. В этом отношении Русь как будто делится на несколько разномасштабных регионов: это небольшая Псковская земля, Новгород с его огромными территориями, и не менее обширная Средняя Русь со множеством старых городов, на фоне которых выделяются две великокняжеские столицы – Москва и Тверь с их развитой, но укорененной в среднерусской традиции художественной культурой. Каждая из этих исторических областей сохраняет элементы своего прежнего художественного менталитета, соединяя их с элементами нового общерусского стиля. В этом и состоит значение искусства XV века: способное к емким художественным обобщениям, оно завершает собой классическое русское Средневековье и становится основой для позднесредневековой культуры, которую уже можно считать культурой русского народа в современном смысле этого слова.

4.3 Русское самодержавие как культурная проблема

В параграфе 4.3 основным объектом рефлексии оказывается культурная составляющая

феномена русского самодержавия. Ее черты прослеживаются прежде всего в архитектуре, прежде всего – в исследовании Московского Кремля XV – XVI не только как центра, но и как значимого символа новой московской государственности, в которой уже ощущается самодержавная составляющая [234 – 237]. Большое место уделяется роли Церкви в этом процессе, феномену крепнущей «симфонии» московского самодержавия и русского православия, значимости в этом процессе античных и византийских образов, символов и мотивов [238]. Подчеркивается, что в русских землях уже XV века повсеместно признавались два царства, сохранявшие верховенство над Русью, в том числе и над Москвой. Одно из них древнее Ромейское (Римское), Второй Рим, то есть Византия, во главе с царствующей там династией Палеологов. Второе, посланное Богом в наказание и порабощение – Орда, которую в конце XVI века вспоминали как Золотую Орду. Орда была кочевой империей с исконной столицей в Каракоруме, но на конец XV века фактическая столица находилась в городе Сарай на Волге. Обе империи в относительно короткий исторический промежуток рухнули, открыв для московских книжников богатый ресурс для формирования идеологии и культурной практики нового царства. Мотивы, связанные с этим явлением, прослеживаются, в частности, на уровне архитектуры.

Вместе с тем, сложность и неоднородность культурной жизни Московской Руси XVI – XVII вв. вела к тому, что античные образы пытались задействовать в своих интересах не только сторонники, но и противники самодержавия, в частности – раскольники [239]. Главным, однако, оставалось все-таки официозное направление, блестящим проявлением которого стало расцветшее в XVII в. русское барокко, проявившееся не только в архитектуре и изобразительном искусстве, но и в литературе [240]. В качестве примера рассматривается поэзия Симеона Полоцкого, вершиной творчества которого стали завершенные в 1670-х гг. три больших стихотворных сборника («Псалтирь рифмоторная», «Рифмологион», «Вертоград многоцветный»).

Сборник «Псалтирь рифмоторная» был выпущен в 1680 году дворцовой типографией. Это первая в России печатная книга стихов. В ней Симеон – по образцу польского поэта Яна Кохановского – переложил стихами библейскую книгу «Псалтирь». Казалось бы, все вполне традиционно – Библия, но некоторых современников Симеона книга шокировала: псалмы-то предстали в «рифмоторной» форме, т.е. стихотворной.

Поэтический сборник «Рифмологион, или Стихослов» имеет панегирический характер и включает несколько сотен «стихов на случай» – хвалебных текстов, предшествующих **одам** поэтов-классицистов. Кстати – для древнерусской литературы редчайший случай! – существует черновой автограф «Рифмологиона», т.е. рукопись, выполненная не копиистом, но автором.

Главный поэтический труд Симеона Полоцкого – энциклопедический сборник «Вертоград многоцветный». «Вертоград» на церковнославянском языке значит «сад», «цветник». В средние века так именовались сочинения, содержавшие лекарственные советы. У Симеона слово приобретает символический смысл: по убеждению автора, лекарства исцеляют тело, а поэзия – душу. Все стихотворения сборника озаглавлены и расположены в алфавитном порядке. Сборник, можно сказать, необъятный. Заглавий в сборнике – 1155, а под одним заглавием могут находиться до двенадцати текстов, объединенных общей темой (современное издание «Вертограда» – в Германии! – включает три тома). Симеон Полоцкий сообщает в стихотворениях «Вертограда» любопытные сведения о природе («Ехидна»), об античной истории (Александр») и философии («Диоген»). Описывает примеры добродетельного («Дева») или порочного поведения. Поэтические правила, которым следовал Симеон и которые были ему знакомы по образцам, почерпнутым в польской литературе, можно свести к двум базовым требованиям. В стихотворении, во-первых, в соотносимых строках должно быть одинаковое количество слогов (без привычного для нас регулярного чередования ударных и безударных), во-вторых, строки должны венчаться рифмой (преимущественно женской – как в силлабической поэзии Польши). Так, каждая строка в стихотворении «Суд сна прежде» содержит одиннадцать слогов. Система *стихотворства, требующая одинакового количества слогов в соотносимых строках, называется силлабической (от греческого «слог»)*.

Иногда Симеон Полоцкий блистал всякого рода изысками: акростихами, «фигурными стихами», когда строки образуют прихотливые рисунки (чаша, сердце, крест, звезда и др.). В поэме «Орел Российский», включенной в панегирический сборник «Рифмологион», герб России изображен на фоне солнца; у солнца сорок восемь лучей; в каждый луч вписана какая-нибудь добродетель царя.

Завершающим сюжетом параграфа (и всего раздела) является анализ влияния ислама на русскую культуру [230]. Авторы уверены в том, что можно уверенно говорить о взаимном влиянии русской (православной) культуры и культуры народов ислама, постепенного взаимопроникновения и обогащения. Кроме того, применительно к периоду до конца XVII в. можно уверенно говорить и религиозном мире. Хотя, конечно же, время от времени происходили отдельные трения, но они скорее носили экономическую, нежели религиозную природу, хотя и рядились под последнюю. Это были чаще всего обвинения в религиозных преследованиях и осквернении через запрещенные (табуированные) продукты (чаще всего конина), призванные изменить социальный статус челобитчика в лучшую сторону. Подобные обвинения чаще всего встречаются от холопов татар, стремящихся получить таким образом свободу. В Москве это прекрасно понимали, однако вынуждены были

лавировать и делать поправку на то, что Россия официально считалась христианским (православным) царством. Но при этом он являлся и государем для носителей иных религий.

В заключении содержатся краткие выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Crónica de Alfonso X. Según el Ms. II/2777 de la Biblioteca del Palacio Real (Madrid) /Ed., transcr. y notas por M. González Jiménez. - Murcia: Real Academia Alfonso X el Sabio, 1998. – 292 p.
- 2 Ayala Martínez C. de. Directrices fundamentales de la política peninsular de Alfonso X (Relaciones castellano-aragonesas de 1252 a 1263). - Madrid: Antiqua et Mediaevalia, 1986. – 367 p.
- 3 González Jiménez M. Fernando III el Santo. El rey que marcó el destino de España. – Sevilla: Fundación José Manuel Lara, 2006. – 407 p.
- 4 Fuente Pérez M.J. El monte Helicón. El *studium generale* de Palencia y los inicios de la Universidad /Lección Inaugural del Curso Académico 2012 – 2013. – Valladolid: Universidad de Valladolid, 2012. – 122 p.
- 5 Riazza R. Historia de la literatura jurídica española // Interpretatio: Revista de História del Derecho. T. V. – Madrid, 1998. – 288 p.
- 6 González Jiménez M. Alfonso X el Sabio. – Barcelona: Ariel, 2004. – 514 p.
- 7 Wolf A. El proyecto imperial de Alfonso X // Alfonso X y su época. El siglo del Rey Sabio / coord. M. Rodríguez Llopis. – Barcelona: Carroggio, S.A. de Ediciones, 2001. P. 153-173.
- 8 Powers J.F. A Society organized for War. The Iberian Municipal Militias in the Central Middle Ages, 1000-1284. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1988. – 365 p.
- 9 Rodríguez García J.M. La cruzada en tiempos de Alfonso X. – Madrid: Silex, 2014. – 321 p.
- 10 Flori J. La chevalerie. – Paris: Gisserot, 1998. – 128 p.
- 11 Valdeavellano L.G. de. El feudalismo hispánico. – Barcelona: Crítica, 1981. – 228 p.
- 12 Grassotti H. Las instituciones feudo-vasalláticas en León y Castilla / 2 vols. – Spoleto: Centro di studi sull'Alto Medioevo, 1969.
- 13 Historia de la Iglesia en España. T. 2.2: La Iglesia en la España de los siglos VIII al XIV /dir. por J. Fernández Conde. – Madrid: Biblioteca de Autores Cristianos, 1982. – 716 p.
- 14 Linehan P. Spanisch Church and Society, 1150 – 1300. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – 336 p.
- 15 Ауров О.В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII – середине XIV века. – М.: ИЦ РГТУ, 2012. – 580 с.
- 16 García Marín J.M. El oficio público en Castilla durante la Baja Edad Media. – Alcalá de Henares: Instituto Nacional de Administración Pública, 1987. – 383 p.
- 17 Nieto Soria J.M. Fundamentos ideológicos del poder real en Castilla (siglos XIII – XVI). – Madrid: Eudema, 1988. – 269 p.
- 18 Leyes de Alfonso X. T. 1: Espéculo / Ed. y anal. crít. por G. Martínez Díez con la colaboración de J.M. Ruiz Asencio. – Ávila: Fundación Sánchez Albornoz, 1985. – 630 p.
- 19 Leyes de Alfonso X. T.2: Fuero Real / Ed. y anal. crít. por G. Martínez Díez con la colaboración de J.M. Ruiz Asencio. – Ávila: Fundación Sánchez Albornoz, 1985. – 536 p.
- 20 Las Siete Partidas de Rey don Alfonso el Sabio /Por la Real Academia de la Historia / 3 vols. – Madrid, 1807.
- 21 Procter E. Curia y cortes en Castilla y León, 1072-1295. – Madrid: Cátedra, 1988. – 322 p.
- 22 Cortes de los antiguos reynos de León y de Castilla. T. 1. – Madrid, 1861. – 637 p.
- 23 Emperor of Culture. Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance. /Ed. by R. Burns, S.I. – Philadelphia (Penn.): University of Pennsylvania Press, 1990. – 272 p.

- 24 Kleine M. El carácter propagandístico de las obras de Alfonso X // De Medio Aevo. 2013. Vol. 2. No. 2. P. 1 – 42. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.capire.es/eikonimago/index.php/demedioaevo/article/view/87>.
- 25 Beltran de Heredia V. Bulario de la Universidad de Salamanca (1219 – 1549). Vol. 1. – Salamanca: Universidad de Salamanca, 1966. – 625 p.
- 26 Beltrán de Heredia V. Cartulario de la Universidad de Salamanca (1218 – 1600). T. 1. – Salamanca: Universidad de Salamanca, 1970. – 702 p.
- 27 Apéndice // La Fuente y Condón V. Historia de las universidades, colegios y demas establecimientos de enseñanza en España. T. 1. – Madrid, 1884. P. 289 – 298.
- 28 Partid.II.31: «Об училищах, где усваиваются науки, и о магистрах, и о студентах» / Пер. и комм. О.В. Аутова //Исторический вестник. 2015. Т. 12 (159). С. 454 – 465.
- 29 Аутов О.В. Из Болоньи в Кастилию: люди, книги, образ жизни (Заметки по истории университетов в Кастилии и Леоне в XIII – XIV веках) //Исторический вестник. 2015. Т. 12 (159). С. 12 – 79.
- 30 La lengua y la literatura en tiempos de Alfonso X: Actas del Congreso Internacional. Murcia, 5-10.05.1984. – Murcia: Departamento de literaturas románicas. Facultad de letras, 1985. – 561 p.
- 31 Márquez Villanueva F. El concepto cultural alfonsí /2-a ed. – Barcelona: Edicions Bellaterra, 2004. – 316 p.
- 32 Arce A. Federico II en Palermo y Alfonso X en Toledo: dos cortes y una misma cultura //II Duecento. Actas del IV Congreso nacional de italianistas. Santiago de Compostela, 24-26 de Marzo de 1988. – Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, 1989. P. 97 – 104.
- 33 Catalán D. La «Estoria de España» de Alfonso X: creación y evolución. – Madrid: Seminario Menéndez Pidal, Fundación Ramón Menéndez Pidal, Universidad Autónoma de Madrid, 1992. – 372 p.
- 34 Linehan P. History and the Historians of Medieval Spain. - Oxford: Clarendon Press, 1993.
- 35 Fernández Ordóñez I. *Las Estorias de Alfonso X el Sabio*. - Madrid: Istmo, 1992. – 748 p.
- 36 Nieto Soria J.M. Sancho IV de Castilla (1284 – 1295). – Gijón: Ediciones Trea, 2014. – 236 p.
- 37 Catalán D. La “Estoria de España” de Alfonso X. Creación y evolución. - Madrid: Fundación Ramón Menéndez Pidal; Universidad Autónoma, 1992 (Fuentes Cronísticas de la Historia de España, V). – 372 p.
- 38 Crónica latina de los reyes de Castilla /Ed. L. Charlo Brea. Cádiz: Servicio de publicaciones de la Universidad de Cádiz, 1984. – 126 p.
- 39 Lucae Tudensis Chronicon Mundi /Ed. E. Falque. //Lucae Tudensis Opera Omnia. T. 1. – Turnhout: Brepols Publishers, 2003 (Corpus Christianorum. Continuatio Medievals, LXXIV). – 412 p.
- 40 Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispaniae sive Historia Gothica / cura et studio J. Fernández Valverde // Corpus christianorum. Continuatio mediaevalis. T. LXXII. – Turnholti: Brepols Publishers, 1987. 371 p.
- 41 Catalán D. De la silva textual al taller historiográfico alfonsí: códigos, crónicas, versiones y cuadernos de trabajo. - Madrid: Fundación Ramón Menéndez Pidal-Universidad Autónoma de Madrid, 1997. – 537 p.
- 42 Primera Crónica General de España / ed. Ramon Menéndez Pidal. 2 vols. - Madrid: Seminario Menéndez Pidal (UCM), Gredos, 1977 (Fuentes cronísticas de la historia de España, I). – 774 p.
- 43 Primera crónica general que mandó componer el Rey don Alfonso el Sabio e se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / éd. Ramon Menéndez Pidal. 2 vols. Madrid, Gredos, 1955.
- 44 Primera crónica general o sea Estoria de España que mandó componer Alfonso el Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. T. 1: Texto / ed. Ramon Menéndez Pidal. - Madrid:

Bayllí y Bailére e hijos, 1906 (Nueva Biblioteca de Autores Españoles bajo la dirección de M. Menéndez y Pelayo, 5). – 776 p.

45 La “Estoria de España” de Alfonso X. Estudio y edición de la “Versión crítica” desde Fruela II hasta la muerte de Fernando II / ed. Mariano de la Campa Gutiérrez. – Málaga: Analecta Malacitana, 2009. – 598 p.

46 Versión crítica de la “Estoria de España”. Estudio y edición desde Pelayo hasta Ordoño II / ed. Inés Fernández-Ordóñez. - Madrid: Fundación Menéndez Pidal. Universidad Autónoma de Madrid, 1993 (Fuentes cronísticas de la historia de España, VI). – 569 p.

47 Estoria de los Godos / ed. Aegnus Ward. – Oxford: Society for the Study of Medieval Languages and Literature/Oxbow Books, 2006 (Medium Aevum Monographs, New Series, xxiv). – 200 p.

48 Craddock J.R. Palabra de rey: Selección de estudios sobre legislación alfonsina. – Salamanca: Seminario de Estudios Medievales y Renacentistas. Sociedad de Estudios Medievales y Renacentistas, 2008. – 186 p.

49 Alfonso X y su época. El siglo de Rey Sabio /Coord. por Miguel Rodríguez Llopis. - Barcelona: Carrogo S.A. De Ediciones, 2001. – 343 p.

50 Память народа. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1272003912/.

51 Мильская Л.Т. Александр Рафаилович Корсунский (1914 – 1980) // Портреты историков: время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. - М., Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 242 – 247.

52 Мильская Л.Т., Варьяш О.И. А.Р. Корсунский как историк-медиевист //СВ. Вып. 46. 1983. С. 275 – 290.

53 Марголиус А. Мои воспоминания- [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.partner-inform.de/memoirs/detail/moi-vospominaniya-moi-predki-i-rodstvenniki/4/160/48>.

54 Марголиус А. Александр Рафаилович Корсунский – профессор-историк в эпицентре истории XX века. От лейтенанта до подполковника. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://samlib.ru/m/margolius_a_p/aleksandr.shtml.

55 [Ronin V]. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.kuleuven.be/wieiswie/en/person/00055701>.

56 Варьяш О.И. Заседание памяти А.Р. Корсунского //СВ. 1991. Вып. 54. С. 265 – 266.

57 Emilio Sáez Sánchez. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.regmurcia.com/servlet/s.SI?sit=c,373,m,1207&r=ReP-5142-DETALLE_REPORTAJESPADRE.

58 Корсунский А.Р. Новый испанский ежегодник по истории Средневековья (обзор ежегодника “Anuario de estudios medievales”) //СВ. 1973. Вып. 36. С. 234 – 237.

59 Korsunskij A. La historia medieval de España (siglos IX – XIV) según la investigación soviética (1958 – 1967) // Anuario de estudios medievales. 1968. Т. 5. Р. 663 – 668.

60 Волосюк О.В. Научные связи российских и испанских историков: 30 лет сотрудничества (1981 – 2011) //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2012. Вып. №1. С. 90 – 91.

61 Мильская Л.Т. Николай Павлович Грацианский (1886 – 1945) //Портреты историков: время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. - М., Иерусалим: Университетская книга, Гешарим, 2000. С. 177 – 186.

62 Салическая Правда. Перевод проф. Н.П. Грацианского. Под ред. проф. В.Ф. Семенова. – М.: б.и., 1950 (Ученые записки МГПИ. Т. 62). – 167 с.

63 Грацианский Н.П. Бургундская деревня в X – XII столетиях. - М., Л.: ОГИЗ, 1935.

64 Мильская Л.Т. Владимир Константинович Пискорский (1867 – 1910) //Портреты историков: время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. - М., Иерусалим, Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 125 – 132.

- 65 Новикова-Пискорская Е.А. Из истории российско-испанских научных связей //Испанский альманах. Вып. 2: История и современность. - М., 2010. С. 307 – 311.
- 66 [Пискорский В.К.] Отчет о зарубежной командировке приват-доцента университета св. Владимира В. Пискорского за 1896 и 1897 годы. //ЖМНП. 1898. Т. 320. № 12. С. 19 – 47.
- 67 «Заграничные воспоминания» В.К. Пискорского (Из писем к жене, 1896 – 1897). /Публикация И.С. Пичугиной, Е.А. Новиковой-Пискорской //Проблемы испанской истории. - М., 1992. С. 178 – 191.
- 68 Пискорский В.К. История моего профессорства в Нежине (1899 – 1905). /Публ. А.Е. Москаленко //История и историки: Историографический ежегодник. 1979. – М.: Наука, 1982. С. 369 – 393.
- 69 Бернадский В.Н. Памяти педагога-марксиста //Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1948. Т. 68.
- 70 Грацианский Н.П. К толкованию термина villa в Салической правде // СВ. 1946. Вып. 2. С. 73 – 81.
- 71 Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников II курса исторических факультетов государственных университетов. Выпуск первый. – М.: Издательство МГУ, 1968. – 84 с.
- 72 Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников II курса исторических факультетов государственных университетов. Выпуск второй. – М.: Издательство МГУ, 1973. – 118 с.
- 73 Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников II курса исторических факультетов государственных университетов. Выпуск третий. – М.: Издательство МГУ, 1979. – 85 с.
- 74 Гуревич А.Я. История историка. – М.: РОССПЭН, 2004. – 283 с.
- 75 Корсунский А.Р. Проблемы революционного перехода от рабовладельческого строя к феодализму в Западной Европе //Вопросы истории. 1964. №5. С. 95 – 111.
- 76 Крапивенский С.Э. Переход к феодализму как социальная революция // Методологические и историографические вопросы исторической науки. 1967. Вып. 5. С. 52 – 75.
- 77 Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 256 с.
- 78 Крих С.Б. «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века //Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2006. №17. С. 224 – 236.
- 79 Ростовцев М.И. Общество и хозяйство Римской империи. Т. 2. - СПб.: Наука, 2000. – 410 с.
- 80 Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. – М.: Издательство МГУ, 1963. – 186 с.
- 81 Энгельс Ф. К истории древних германцев // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 19. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 442 – 494.
- 82 Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 19. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 495 – 596.
- 83 Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 19. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 327 – 345.
- 84 Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Т. 21. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 23 – 178.
- 85 Корсунский А.Р. *Honestiores* и *humiliores* в законодательных памятниках Римской империи //ВДИ. 1950. №1. С. 81 – 90.
- 86 Бурцев М.И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981. – [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/burtsev_mi/06.html .

- 87 Выродов И.Я., Секирин М.К., Коротков Г.И. и др. В сражениях за победу. Боевой путь 38-й армии в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945. – М.: Наука, 1974. – 567 с.
- 88 Великая Отечественная война. Комкоры. Военный биографический словарь /Под ред. М.Г. Вожакина. Т. 1. - М., Жуковский: Кучково поле, 2006. – 672 с.
- 89 Гречко А.А. Через Карпаты. – М.: Воениздат, 1970. – 432 с.
- 90 Корсунский А.Р. Опыт изучения политических взглядов солдат вермахта во время Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1975. С. 171 – 177.
- 91 Великая Отечественная война, 1941 – 1945. Энциклопедия. – М.: Воениздат, 1985. – 832 с.
- 92 Гутнова Е.В. Пережитое. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.
- 93 Мильская Л.Т. Воспоминания Е.В. Гутновой и их достоверность //СВ. 2002. Вып. 63. С. 394 – 401.
- 94 Научные труды А.Р. Корсунского. Сост. О.И. Варьяш, А.Е. Москаленко // Средние века. 1982. Вып. 45. С. 403 – 406.
- 95 Корсунский А.Р. Рабы и вольноотпущенники в Вестготском государстве VI – VII веков // СВ. 1953. Вып. 4. С. 11 – 30.
- 96 Корсунский А.Р. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV – V веках //ВДИ. 1954. №2. С. 47 – 59.
- 97 Корсунский А.Р. О развитии феодальных отношений в готской Испании. (Формирование зависимого крестьянства) //СВ. 1957. Вып. 10. С. 27-57.
- 98 Корсунский А.Р. О развитии феодальных отношений в готской Испании. (Формирование крупного землевладения) //СВ. 1959. Вып. 15. С. 3 – 30.
- 99 Корсунский А.Р. Были ли *patrocinia visigum* в Западной Римской империи? //ВДИ. 1959. №2. С. 167 – 173.
- 100 Корсунский А.Р. О развитии феодальных отношений в готской Испании. (Зарождение бенефициальной системы) //СВ. 1961. Вып. 19. С. 32 – 52.
- 101 Корсунский А.Р. О развитии феодальных отношений в готской Испании. (Рост частной власти и политической самостоятельности крупных землевладельцев) //СВ. 1963. Вып. 23. С. 3 – 19.
- 102 Корсунский А.Р. Об условиях поселений вестготов в Южной Галлии и Испании //СВ. 1964. Вып. 25. С. 21 – 34.
- 103 Корсунский А.Р. Вестготы и Римская империя в IV – начале V века //Вестник МГУ. Сер. «История». 1965. №3. С. 225 – 226.
- 104 Корсунский А.Р. О социальном строе вестготов в IV в. // ВДИ. 1965. №3. С. 54 – 74.
- 105 Корсунский А.Р. Города Испании в период становления феодальных отношений (V – VII вв.) //Социально-экономические проблемы истории Испании. – М.: Наука, 1965. С. 3 – 63.
- 106 Корсунский А.Р. О колонате в Восточной Римской империи V – VI вв. //Византийский временник (далее – ВВ). 1956. Т. 9. С. 47 – 77.
- 107 Корсунский А.Р. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI – VII вв. //ВВ. 1957. Т. 12. С. 31 – 45.
- 108 Корсунский А.Р. Движение багаудов // ВДИ. 1957. №4. С. 71 – 87.
- 109 Корсунский А.Р. [Рец.:] Levy E. Roman Vulgar Law. Law of Property. Philadelphia, 1951. – 305 p. // ВДИ. 1957. №1. С. 166 – 171.
- 110 Корсунский А.Р., Кузищин В.И., Свенцицкая И.С. [Рец.:] Westermann W.L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Piladelphia, 1955. – 180 p. // ВДИ. 1958. №4. С. 148 – 158.
- 111 Корсунский А.Р. Проблемы классовой борьбы в античном обществе в освещении современной буржуазной историографии // Вопросы истории. 1962. №8. С. 168 – 175.
- 112 Корсунский Лев Александрович. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/61286/Корсунский.

- 113 Неусыхин А.И. [Рец.:] Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М.: Издательство МГУ, 1963. – 186 с. // СВ. 1966. Вып. 29. С. 289 – 299.
- 114 Метель О.В. «Отвергнутая классика». Советская историография первоначального христианства сквозь призму идейных влияний //Исторический ежегодник. 2012. – Новосибирск: Параллель, 2012. С. 20 – 33.
- 115 Неусыхин А.И. Очерки истории Германии в Средние века (до XV в.) // Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. - М.: Наука, 1974. С. 213 – 374.
- 116 Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии IV – VIII в. – Л.: Наука, 1976. – 230 с.
- 117 Липшиц Е.Э. Законодательство и юриспруденция в Византии IX – XI вв.: историко-юридические этюды. – Л.: Наука, 1981. – 248 с.
- 118 Coma Fort J.M. Codex Theodosianus. Historia de un texto. - Madrid: Editoria Dykinson, 2014. – 536 p.
- 119 Корсунский А.Р. Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). - М.: Издательство МГУ, 1969. – 326 с.
- 120 Dahn F. Die Könige der Germanien: Das Wesen des ältesten Königtums der germanischen Stämme. Bd. 6: Die Verfassung der Westgoten. Das Reich der Sueven in Spanien. – Würzburg: A. Stuber's Buchhandlung, 1871. – 631 S.
- 121 Ауров О.В. «Sicut in edictum scriptum est». К проблеме преемственности римско-правовой традиции в эдиктах варварских королей VI вв. //ВДИ. 2013. № 2. С. 41 – 63.
- 122 Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V – начало VIII в.): Исследования и переводы. - М.: Издательский дом «Дело», 2017. – 352 с.
- 123 NAL 2334. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://archivesetmanuscrits.bnf.fr/ark:/12148/cc34643k>.
- 124 The miniatures of the Ashburnham Pentateuch /Ed. O. Gebhardt. London, 1883. – 24 p.
- 125 Biblia. Pentateuchus [Pentateuque dit d'Ashburnham ou de Tours]. Ms. NAL 2334 [discription]. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53019392c>.
- 126 Pérez de Urbel J., O.S.B. Los monjes españoles en la Edad Media. T. 1. - Madrid: Ancla, 1945. – 528 p.
- 127 Pérez de Urbel J., O.S.B. San Isidoro de Sevilla, su vida, su obra y su tiempo. - Barcelona: Labor, 1940. – 284 p.
- 128 Orlandis J. El poder real y la sucesión al trono de la monarquía visigoda //Estudios Visigóticos, III. Roma, - Madrid: CSIC. Delegación de Roma, 1962. P. 103 – 123.
- 129 Orlandis J. La Iglesia visigoda y los problemas de sucesión al trono en el siglo VII // Le chiese nei regni dell'Europa occidentale e i loro rapporti con Roma fino all'800. Spoleto, 1960. (Settimane di studio del Centro italiano sull'alto medioevo, 7). P. 43 – 55.
- 130 López Pereira J.E. In memoriam. Manuel Cecilio Díaz y Díaz //Revista de Estudios Latinos. 2008. No. 8. P. 9 – 12.
- 131 Martínez Díez G., S.I. El epítome hispánico. Una colección canónica española del siglo VII. Estudio y texto crítico //Miscelánea Comillas. Revista de Ciencias Humanas y Sociales. 1961. Vol. 19. No. 36. P. 5-90.
- 132 Concilios visigóticos y hispano-romanos / Ed. por J. Vives, T. Marín Martínez, G. Martínez Díez. – Barcelona, Madrid: CSIC. Instituto “Enrique Flórez”, 1963. – 580 p.
- 133 Publications “Hillgarth, Jocelyn Nigel”. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://opac.regesta-imperii.de/lang_en/autoren.php?name=Hillgarth%2C+Jocelyn+Nigel.
- 134 Fontaine J. Isidore de Séville et la cultura classique dans l'Espagne wisigothique. Paris: Études Augustiniennes, 1959. – 1013 p.
- 135 Reydellet M. La royauté dans la littérature latine de Sidoine Apollinaire à Isidore de Séville. – Paris: École Française de Rome, 1981. – 644 p.

- 136 García Moreno L.A. Historia de España visigoda. - Madrid: Catedra. Historia Mayor, 1989. – 392 p.
- 137 Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). - М.: ИД «Ювента», 2003. – 653 с.
- 138 Sanz Serrano R. Historia de los godos. Una epopeya histórica de Escandinavia a Toledo. - Madrid: La esfera de los libros, 2009. – 672 p.
- 139 Arce J. Esperando a los árabes. Los visigodos en Hispania (507 – 711). - Madrid: Marcial Pons Historia, 2011. – 339 p.
- 140 Hinojosa y Naveros E. El elemento germánico en el Derecho Español. – Madrid, 1915. – 106 p.
- 141 García Moreno L.A. La monarquía goda Balta y la diócesis de las Españas. - Madrid: Real Academia de la Historia, 2017. – 256 p.
- 142 Wenskuns R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. – Köln, Graz: Böhlau-Verlag, 1961. – 656 S.
- 143 Ауров О.В. Понятие “hereditas” в IV – начале IX вв.: сюжет из истории «вульгаризации» римского права. //Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки». 2010. № 10. С. 231 – 248.
- 144 Sánchez Albornoz C. En torno a los orígenes del feudalismo. Lib. I. T.1: Fideles y gardingos en la monarquía visigoda. Raíces del vasallaje y del beneficio hispanos. – Buenos Aires: Editorial Universitaria, 1974. – 203 p.
- 145 Sánchez Albornoz C. El “Stipendium” hispánico-godo y los orígenes del beneficio prefeudal. - Buenos Aires: Facultad de Filosofía y Letras, 1947. – 255 p.
- 146 Sánchez Albornoz C. España y el feudalismo carolingio. 1. El prefeudalismo hispanogodo // Sánchez Albornoz C. Estudios sobre las instituciones medievales españolas. - México: Universidad Nacional Autónoma de México. Instituto de investigaciones históricas, 1965. P. 765 – 777.
- 147 Diesner H.-J. König Wamba und der westgotische Frühfeudalismus //Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft. 1969. Bd. 18. S. 7 – 35.
- 148 García Moreno L.A. España, 702 – 719. La conquista musulmana. – Sevilla: Secretario de publicaciones de la universidad de Sevilla, 2014. – 545 p.
- 149 Люблинская А.Д. [Рец.:] Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). - М.: Изд-во МГУ, 1969. – 328 с. //Вопросы истории. 1972. С. 163 – 165.
- 150 Корсунский А.Р. К вопросу о византийских завоеваниях в Испании VI – VII вв. //ВВ. 1957. Т. 12. С. 31 – 45.
- 151 Корсунский А.Р. От Восточной Римской империи к Византии. [Рец. на кн.: История Византии. Т. 1 – 3. Отв. ред. З.В. Удальцова. - М., 1967] // ВВ. 1969. Т. 29. С. 300 – 304.
- 152 Корсунский А.Р. История Византии в марксистском освещении [Рец. на кн.: История Византии. Т. 1 – 3. Отв. ред. З.В. Удальцова. - М., 1967] // Вопросы истории. 1969. № 8. С. 136 – 138.
- 153 Korsunskij A.R., Zaborov M.A. [Рец. на кн.: История Византии. Т. 1 – 3. Отв. ред. З.В. Удальцова. - М., 1967] //Social Science. USSR Academy of Sciences. 1971. No. 2. P. 177 – 180.
- 154 Korsunskij A.R. Sobre la existencia social de los estados de Asturias y León en los siglos VIII, IX y X //Congreso Luso-Espanhol des medievals. Oporto, 1968.
- 155 Korsunskij A.R. La historia medieval de España (siglos IX – XIV) según la investigación soviética (1958 – 1967) // Anuario de Estudios Medievales. 1968. T. 5. P. 663 – 668.
- 156 Корсунский А.Р. О крестьянских сообществах в Астурии, Леоне и Кастилии в IX – XII вв. // Межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. Сессия 14-я (Минск-Гродно, 25-29 сент. 1972 г.). Тезисы докладов и сообщений. Вып. 2. – Минск, 1972. С. 193 – 195.

- 157 Корсунский А.Р. О крестьянских общинных организациях в Астурии, Леоне и Кастилии в IX – XIII вв. // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в. включительно). Ч. 1. – Минск, 1978. С. 145 – 151.
- 158 Korsunskij A. R. Über den Character der Gesellschaftsordnung von León und Kastilien im Mittelalter. // Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. Bd. 2. – Berlin, 1978. S. 41 – 72.
- 159 Корсунский А.Р. О мелкой земельной собственности в западных провинциях поздней Римской империи // Вестник древней истории. 1970. №2. С. 167 – 174.
- 160 Корсунский А.Р. О деревенском устройстве и системе землепользования в Западных провинциях поздней Римской империи // Вестник древней истории. 1977. №2. С. 43 – 57.
- 161 Korsunskij A.R. Zur Entstehung von Elementen feudaler Beziehungen in Weströmischen Reich // Klio. Beiträge zur Alten Geschichte. 1978. Bd. 60/II. S. 247 – 258.
- 162 Корсунский А.Р. Сельское население Поздней Римской империи // История крестьянства в Западной Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. - М.: Наука, 1985. С. 62 – 89.
- 163 Корсунский А.Р. Становление феодально-зависимого крестьянства в Юго-Западной Европе в V – X вв. // История крестьянства в Западной Европе. Эпоха феодализма. Т. 1. - М.: Наука, 1985. С. 178 – 215.
- 164 История Испании IX – XIII веков (Социально-экономические отношения и политический строй Астро-Леонского и Леоно-Кастильского королевств). - М.: Высшая школа, 1976. – 238 с.
- 165 Sánchez-Albornoz C. Une société d'exception dans l'Europe féodale // ANHE. 1980. T. 50. P. 639 – 651.
- 166 Корсунский А.Р. Раннефеодальное государство и формирование феодальной собственности в Западной Европе (V Международный конгресс экономической истории. Ленинград, 10 – 14 августа 1970 г.). - М.: б.и., 1970. – 17 с.
- 167 García de Cortazar J.A., Sesma Muñoz J.A. Manual de Historia Medieval. - Madrid: Alianza Editorial, 2014. – 580 p.
- 168 Valdeón J. Conflictos sociales en el reino de Castilla en los siglos XIV y XV. - Madrid: Siglo XXI de España Editores, S.A., 1976. – 219 p.
- 169 M.ª Isabel del Val Valdivieso, Pascual Martínez Sopena (dirs.). Castilla y el mundo feudal. Homenaje al profesor Julio Valdeón /Con la colabor. de D. Pelaz Flores / 3 vols. - Valladolid: Junta de Castilla y León. Consejería del Turismo; Universidad de Valladolid, 2009.
- 170 Estudios sobre señorío y feudalismo. Homenaje a Julio Valdeón /Ed. por E. Sarasa, E. Serrano. Zaragoza: Institución “Fernando el Católico”, Exma. Diputación de Zaragoza, 2010. – 269 p.
- 171 Pescador C. La caballería popular en León y Castilla // Cuadernos de historia de España. 1961. No. 33 – 34. P. 101 – 238; Cuadernos de historia de España. 1962. No. 35 – 36. P. 56 – 201; Cuadernos de historia de España. 1963. No. 37 – 38. P. 88 – 198; Cuadernos de historia de España. 1964. No. 39 – 40. P. 169 – 260.
- 172 Thompson E.A. The Goths in Spain. - Oxford: Clarendon Press, 1969. – 358 p.
- 173 Корсунский А.Р. Религиозный протест в эпоху Раннего Средневековья в Западной Европе // СВ. 1981. Вып. 44. С. 48 – 55.
- 174 История Средних веков /Под ред. Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина /В 2-х тт. М.: Госполитиздат, 1952, 1954.
- 175 История Средних веков /Под ред. С.Д. Сказкина /В 2-х тт. 2-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 1977.
- 176 Sayas Abengochea J.J., García Moreno L.A. Romanismo y Germanismo. El despertar de los pueblos hispánicos. Barcelona: Labor, 1981. – 551 p.
- 177 Velázquez Soriano I. Hagiografía y culto de los santos en la Hispania Visigoda: Aproximación a sus manifestaciones literarias. – Mérida: Museo nacional de arte romano, Fundación de estudios romanos, 2005. – 272 с.
- 178 Pasionario hispánico (Introducción, Edición Crítica y Traducción) /Pilar Riesgo Chueca. – Sevilla: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Sevilla, 1995. – 347 p.

- 179 Santoral Hispano-Mozárabe, escrito en 961 por Rabi ben Zaid, obispo de Iliberis /Publicado y anotado por F.J. Simonet. Madrid: Tipografía de Pacual Conesa, 1871. – 37 p.
- 180 Oracional visigótico /Ed. por J. Vives, J. Claveras. – Barcelona: CSIC. Escuela de Estudios Medievales, Sección de Barcelona, 1946. – 433 p.
- 181 Le Liber Ordinum en usage dans l'église Wisigothique et Mozarabe d'Espagne du cinquième au onzième siècle. /Ed. par D. M. Férotin. – Paris: Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1904 (Monumenta Ecclesiae Liturgica, V). – 799 p.
- 182 Antifonarium Mozarabicum de la Catedral de León, editado por PP. Benedictinos de Silos. – León: s.e., 1928. – 245 p.
- 183 Hymnodia Gotica. Die Mozarabischen Hymnen des alt-spanischen Ritus /Aus handschriftlichen und gedruckten Quellen /hrs. von C. Blume. – Leipzig: O.R. Reisland, 1897. – 296 S.
- 184 Inscriptiones Hispaniae Christianae /Rec. Ae. Hübner. – Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1871. – 117 p.
- 185 Inscriptiones Hispaniae Christianae. Supplementum /Rec. Ae. Hübner. – Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1900. – 162 p.
- 186 Vives J. Inscripciones cristianas de la España romana y visigoda / 2-a ed. con un Suplemento. – Barcelona: SCIC. Instituto Enrique Flórez, 1969 (Monumenta Hispaniae Sacra. Serie patristica. Vol. II). – 331 p.
- 187 Hispania Epigraphica. Online Database. Roman Inscriptions from the Iberian Peninsula [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://eda-bea.es/>.
- 188 Documentos de época visigoda escritos en pizarra (siglos VI – VIII)/ Publ. por I. Velasquez Soriano /2 vols. – Turnhout: Brepols, 2000.
- 189 Sancti Braulionis Caesaraugustani episcopi vita S. Emiliani / Ed. crítica por L.Vazquez de Parga. – Madrid: CSIC. Instituto Jerónimo Zurita, 1943. – 40 p.
- 190 Vitas Sanctorum Patrum Emeritensium /Ed. E. Ed. A. Maya-Sánchez. – Turnholt (Turnhout): Brepols, 1992 (Corpus Christianorum. Ser. Latina. Vol. 116). – 130 p.
- 191 Vita vel passio sancti Desiderii a Sisebuto rege composita //Miscellanea Wisigothica /Ed. I. Gil. – Sevilla: Publicaciones de la Universidad de Sevilla, 1972. P. 51 – 68.
- 192 Gibert R. El Derecho municipal de León y Castilla // Anuario de Historia del Derecho Español. 1961. T. 31. P. 695 – 753.
- 193 Vázquez de Parga L. El Fuero de León // Anuario de Historia del Derecho Español. 1944. T. 15. P. 468 – 469.
- 194 Concilio Legionense en el año de MXX // España Sagrada. Teatro geográfico histórico de la Iglesia de España. T. 35: Memorias de la Iglesia de León (siglos XI – XIII)... Madrid: En la Oficina de Antonio Marín, 1786. P. 334 – 347.
- 195 Martínez Marina F. Ensayo histórico-crítico sobre la antigua legislación y principales cuerpos legales de los reinos de León y Castilla. Madrid: En la Imprenta de la hija de D. Joaquín Ibarra, 1808. – 450 p.
- 196 Sempere J. Historia del Derecho Español. T. 1. Madrid: En la Imprenta Nacional, 1822. – 388 p.
- 197 Уваров П.Ю. Пунктир ненаписанной книги // Варьяш О.И. Пиренейские тетради. Право, общество, власть и человек в Средние века. М.: Наука, 2006. С. 11 – 24.
- 198 Ауров О.В. Сергей Дмитриевич Червонов и его труды по истории испанского средневекового города // Червонов С.Д. Испанский средневековый город. М.: б.и., 2005. С. 5 – 18.
- 199 El Fuero de León / Ed. por R. Pérez-Bustamante. León: S.A. Hullera Vasco-Leonesa, 1983. – 144 p.
- 200 Concilium legionense Aera MLVIII (id est, anno Christi 1020) cebratum sub Alfonso V. Legionis Rege. Decreta Alfonsi Regis & Geloirae Reginae // España Sagrada. Teatro geográfico histórico de la Iglesia de España. T. 35: Memorias de la Iglesia de León (siglos XI – XIII)... Madrid: En la Oficina de Antonio Marín, 1786. P. 340 – 347.

- 201 Concilium legionense. Era MLVIII kal. Augusti (Christi 1020). Decreta Alfonsi Regis et Geloirae Reginae // Muñoz y Romero T. (ed.). Colección de fueros municipales y cartas pueblas de los reinos de Castilla, León, Corona de Aragón y Navarra. T. 1. Madrid: Imprenta de Don José María Alonso, editor, 1847. P. 60 – 72.
- 202 Concilium Legionense era MLVIII (anno Christi 1020) habitum sub Alphonso V. Legionis rege // Cortes de los antiguos reinos de León y de Castilla publicadas por la Real Academia de la historia. T. 1. Madrid: Imprenta y estereotipia de M. Rivaderneyra, 1861. P. 1 – 11.
- 203 Constans (Martín Mínguez B.). El Concilio de León // Revista de ciencias jurídicas y sociales. 1920. Año 3. No. 10, 12. P. 165-199, 575-606.
- 204 Sánchez Albornoz C. Un texto desconocido del Fuero de León // Revista de Filología Española. 1922. T. 9. P. 317 – 323.
- 205 Forum Legionense // Germanenrechte, Texte und Übersetzungen. Bd. 12: Altspanisch-Gotische Rechte /Hrsg. E. Wohlhaupter. Weimar: Verlag Hermann Böhlau, 1936. S. 2 – 20.
- 206 Рыжковский В.В. Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) //Новое литературное обозрение. 2009. №97 [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/ry4.html>.
- 207 Уваров П.Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации //Новое литературное обозрение. 2006. №81 [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/uva11.html>.
- 208 Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М.: [Институт всеобщей истории АН СССР], 1985. – 275 с.
- 209 Алексеева Г.Д. Экономический материализм //Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1973 – 1982.
- 210 Шатохина-Мордовинцева Г.А. Александр Николаевич Чистозвонов: штрихи к портрету ученого //Средние века. 2015. Вып. 76. №1-2. С. 313 – 340.
- 211 Волосюк О.В. Научные связи российских и испанских историков: 30 лет сотрудничества (1981 – 2011) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2012. Вып. № 1. С. 87 – 113.
- 212 Гуревич А.Я. История историка. М.: РОССПЭН, 2004.
- 213 Свешников А.В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930-1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. №90 [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/cv8.html>
- 214 История Европы. Т. 2: Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. – 808 с.
- 215 Гутнова Е.В. Историография истории Средних веков. М.: «Высшая школа», 1985. – 477 с.
- 216 Варьяш О.И. Пиренейские тетради. Право, общество, власть и человек в Средние века. М.: Наука, 2006. – 451 с.
- 217 Червонов С.Д. Испанский средневековый город / Редакторы-составители О.В. Аулов, Е.И. Щербакова. М.: б.и., 2005. – 415 с.
- 218 Forum Legionense // Germanenrechte, Texte und Übersetzungen. Bd. 12: Altspanisch-Gotische Rechte /Hrsg. E. Wohlhaupter. Weimar: Verlag Hermann Böhlau, 1936. S. 2 – 20.
- 219 Рудомино М.И. Книги моей судьбы. Воспоминания ровесницы XX века. М.: Прогресс-Плеяда, 2005. – 512 с.
- 220 Sánchez Albornoz C. Un texto desconocido del Fuero de León // Sánchez Albornoz C. Investigaciones y documentos sobre las instituciones hispanas. Santiago de Chile: Editorial Jurídica de Chile, 1970. P. 309 – 313.
- 221 Удальцова З.В., Бессмертный Ю.Л., Гуревич А.Я. Некоторые итоги изучения генезиса феодально-зависимого крестьянства в Европе // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т.1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. М.: Наука, 1985. С. 555 – 561.

- 222 Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. – М.: Индрик, 2008. – 480 с.
- 223 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. – М.: 2013. – 280 с.
- 224 Лукин П. В. Новгородское вече. — М.: «Индрик», 2014. – 608 с.
- 225 Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. Перевод с английского А. Л. Топоркова и З. Н. Исидоровой. – М.: Индрик, 2004. – 216 с.
- 226 Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси. Древнейшие письменные источники. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. – 567 с.
- 227 Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). – М.: Наука и школа, 1922. – 248 с.
- 228 Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текста Н.И. Милютенко. – СПб., 2006.
- 229 Беляков А.В. Чингисиды в России XV – XVII веков. – Рязань: «Рязань. Мир», 2011. – 512 с.
- 230 Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. – 320 с.
- 231 Лифшиц Л.И. Очерки истории живописи древнего Пскова. Середина XIII – начало XV века. Становление местной художественной традиции. – М.: Северный паломник, 2004. – 472 с.
- 232 Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV века. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
- 233 Щенникова Л.А. Творения преподобного Андрея Рублёва и иконописцев великокняжеской Москвы. – М.: Индрик, 2007. – 494 с.
- 234 Полное собрание русских летописей. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., б.и., 1922. Стлб. 36, 46.
- 235 Тихомиров М.Н. Средневековая Москва. – М.: Издательство Московского университета, 1957. – 292 с.
- 236 Полное собрание русских летописей. Т. 6: Софийские летописи. Вып. 2: Софийская вторая летопись. М.: ЯРК, 2001. Стб. 322.
- 237 Баталов А.Л. Собор Покрова Богородицы на Рву: история и иконография архитектуры. М.: Лингва-Ф, 2016. С. 303 – 307.
- 238 Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / изд. А. Попов. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко., 1869. – 554 с.
- 239 Опарина Т.А. «Исправление веры греков» в русской церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып.. II–III. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 288-325.
- 240 Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный. Подг. текста, статья и комментарий А. Хипписли и Л.И. Сазоновой / Предисловие Д.С. Лихачева. Bd. 1 – 3. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 1996 – 2000.